

84(3)
Н83

Мэри
Нортон

Метла Костёр

Художник
Вадим Целак

ПАЛИТРА ЧУДЕС

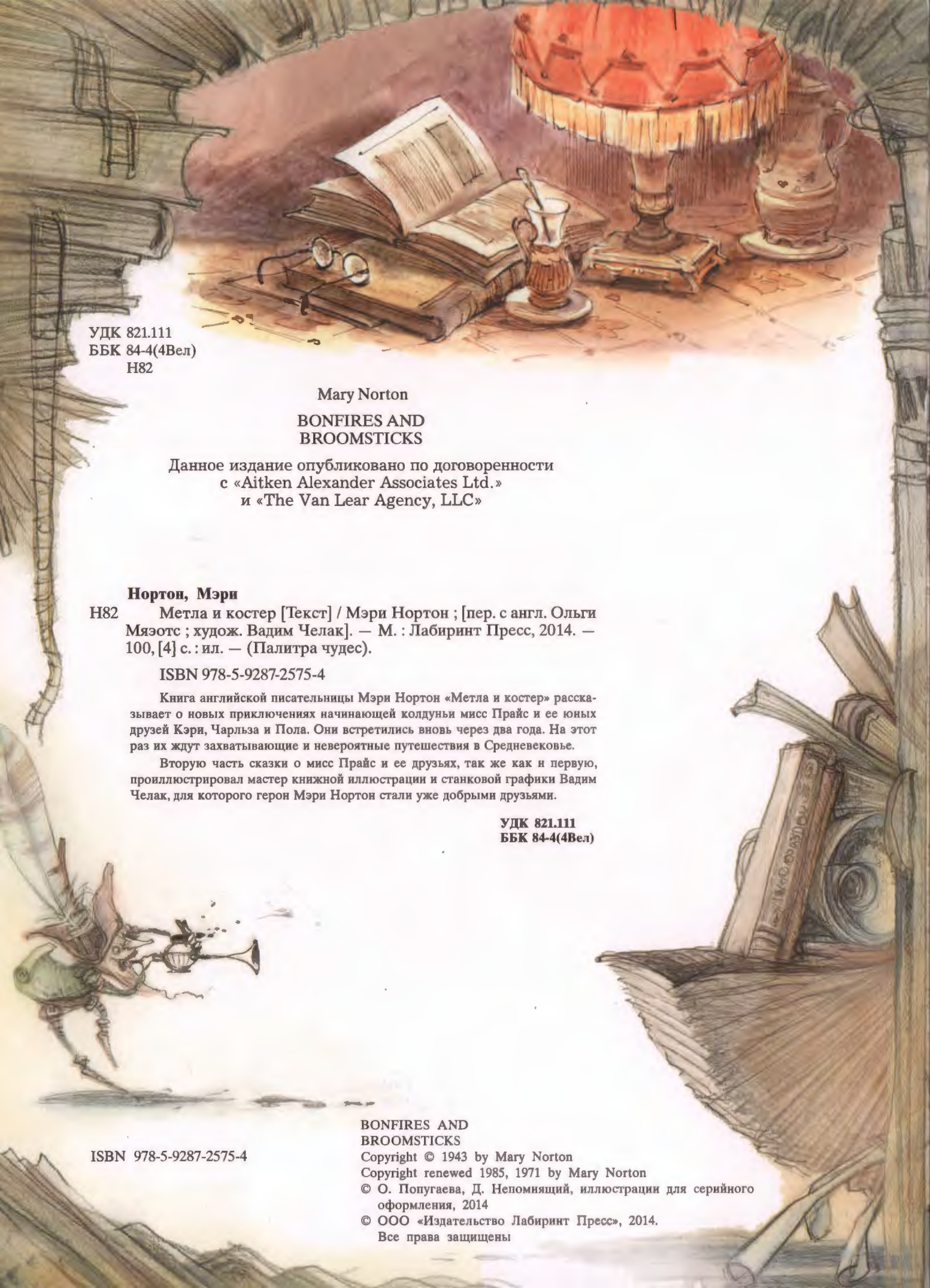
LONDON.

УДК 821.111
ББК 84-4(4Вел)
Н82

Mary Norton
**BONFIRES AND
BROOMSTICKS**

Данное издание опубликовано по договоренности
с «Aitken Alexander Associates Ltd.»
и «The Van Lear Agency, LLC»

Нортон, Мэри

Н82   Метла и костер [Текст] / Мэри Нортон ; [пер. с англ. Ольги Мязотс ; худож. Вадим Челак]. — М. : Лабиринт Пресс, 2014. — 100, [4] с. : ил. — (Палитра чудес).

ISBN 978-5-9287-2575-4

Книга английской писательницы Мэри Нортон «Метла и костер» рассказывает о новых приключениях начинающей колдуньи мисс Прайс и ее юных друзей Кэри, Чарльза и Пола. Они встретились вновь через два года. На этот раз их ждут захватывающие и невероятные путешествия в Средневековье.

Вторую часть сказки о мисс Прайс и ее друзьях, так же как и первую, проиллюстрировал мастер книжной иллюстрации и станковой графики Вадим Челак, для которого героиня Мэри Нортон стали уже добрыми друзьями.

УДК 821.111
ББК 84-4(4Вел)

ISBN 978-5-9287-2575-4

**BONFIRES AND
BROOMSTICKS**

Copyright © 1943 by Mary Norton

Copyright renewed 1985, 1971 by Mary Norton

© О. Попугаева, Д. Непомнящий, иллюстрации для серийного оформления, 2014

© ООО «Издательство Лабиринт Пресс», 2014.

Все права защищены

Мэри
Нортон

84(3)
Н83

Метла и Костёр

526569

Областная библиотека
для детей
г.Екатеринбург

Москва
«Лабиринт Пресс»
2014

Волшебство

Вторая книга английской писательницы Мэри Нортон о приключениях «непрофессиональной» колдуньи мисс Прайс и её юных друзей переносит нас в средневековый Лондон. Путешествия на волшебной кровати продолжают, но эта сказка — не только о совершенно невероятных событиях, но и о дружбе, верности и заботе. За прошедшие пару лет герои повзрослели и, как истинные англичане, проявляют не только смелость и выдержку, но и чрезвычайный такт.

Склонность к приключениям и безупречные манеры — секрет обаяния многих любимых нами героев английских книг. Но как разнообразны и непохожи меж собой все эти персонажи! Трогательная и вполне земная мисс Прайс, при всей своей благовоспитанности, является полной противоположностью знаменитой «волшебной няни» Мэри Поппинс, перед которой преклоняются все обитатели сказочного мира. Мисс Прайс — волшебница-одиночка, которая идёт навстречу желаниям детей (и собственной любви к приключениям!) и не может противопоставить им строгость и дисциплину, хотя и честно пытается. Тем большее уважение вызывают смелость и мудрость мисс Прайс: ведь балансировать на грани волшебства и реальности ей приходится на свой страх и риск.

по-английски

А ещё эта книга о том, как важно, чтобы рядом был кто-то близкий. Ради этого можно отправиться не только на край света, но и в другую эпоху, пусть даже придётся отказаться от всех привычных «благ цивилизации» и возможности вернуться обратно.

Обе книги Мэри Нортон о мисс Прайс и волшебных путешествиях легли в основу музыкального фильма, снятого студией Уолта Диснея в 1971 году. В американской киноверсии сказка обогатилась ещё одной сюжетной линией, а «магия из любви к искусству» обернулась поисками волшебного заклятия, способного защитить Англию.

Чудесная встреча

С героями книги я встретился уже как со старыми знакомыми. После работы над иллюстрациями к первой части сказки я их лучше чувствую и понимаю, они стали мне ближе и интереснее, тем более что в этой книге они заметно повзрослели. И приключения их на этот раз — намного серьезнее, ведь опасность будет грозить не столько им, сколько их новому другу. Да и происходит всё не на солнечных южных островах, а в довольно сумрачном средневековом Лондоне.

Средние века — эпоха по-своему привлекательная, но в этой книге она, конечно, представлена в сказочном виде. Присутствие мисс Прайс придаёт и героям книги, и её читателям чувство защищённости и уверенности в том, что всё будет хорошо.

И, конечно, дети платят ей искренней любовью, и им очень жаль с ней расставаться. Так получается, что это — расставание не только с волшебницей, но и с детскими мечтами и верой в чудеса. Приключения заканчиваются, и дети взрослеют. И от этого, конечно, немного грустно. Но остаётся приятное чувство от соприкосновения с миром чудес и волшебства. А соприкоснуться с ним — всегда замечательно, не только в детстве, но и став уже вполне взрослым.

В. Чехов

Глава 1. Потерян... и найден...

Минуло два года. Тётя Беатриса умерла, дом её продали. С тех пор дети ни разу не бывали в Бедфордшире. Воспоминания о том лете Кэри и Чарльз хранили в тайне и редко разговаривали о прошлом. Особенно с Полом.

— Вдруг он проговорится, — волновалась Кэри, — пусть лучше думает, что это был сон.

Иногда Пол пугал их — возьмёт да и обмолвится при взрослых: «Вот когда мы сидели в тюрьме...» Тогда сестра торопилась его поправить: «Ты хотел сказать: тебе приснилось, что ты сидел в тюрьме». Со временем мальчуган совсем запутался. И порою, скопив глаза на Кэри, говорил: «Вчера, когда мне приснилось, что к чаю были варёные яйца...» — «Но вчера действительно к чаю были яйца», — недоумевала мама. — «Да, — соглашался Пол и озадаченно добавлял: — А яйцеедов я тоже взаправду видел?» — «Каких ещё яйцеедов?» — «Он хотел сказать — людоедов, — торопливо

поясняла Кэри. — Нет, дружок, людоеды тебе приснились», — мягко, но настойчиво внушала она и спешила переменить тему.

Даже Чарльзу прошедшее вспоминалось как сон. В компании школьных друзей «волшебство» считалось детской выдумкой. «Не было... не могло быть... ну, я хотел сказать, что всё это весьма...» Он увлёкся боксом, зубрил латынь, начал собирать марки. И приключения стали забываться, словно их и вовсе не было.

Но не так-то просто перечеркнуть прошлое. Это удаётся немногим. Стоит судьбе взять всё в свои руки, и оно вновь врывается в вашу жизнь. Так случилось и на этот раз. Спустя два года холодным скучным зимним утром прошлое вернулось к ним вместе с утренней газетой. Поначалу всё выглядело вполне невинно: бекон, овсянка и лондонская «Таймс».

— Смотри-ка! — Кэри застыла с ложкой в руке, указывая на колонку частных объявлений в газете.

Чарльз поглядел на сестру. Они были одни в комнате. Миссис Вильсон, их мама, ушла на работу, а Пол ещё спал. На лице Кэри появилось странное выражение: казалось, она не на шутку перепугалась.

— Что стряслось? — забеспокоился Чарльз.

Кэри протянула брату газету.

— Вот, — она указала пальцем на заметку.

Поначалу Чарльз ничего не понял.

— Норковое мanto, — прочёл он вслух, — почти новое...

— Нет же — вот, — Кэри склонилась над братом, так что косы упали на стол. — Дама, владелица небольшого дома...

— Дама, владелица небольшого дома в сельской местности, желает принять на летние каникулы двух детей. Плата умеренная. Отличные рекомендации. Писать Э. Прайс, Мач Фрэншем, Бедфордшир, — прочёл Чарльз.

Воцарилась тишина.

— Ну, понял теперь?

Чарльз кивнул. Они снова замолчали.

— Малый Ольшаник, так, кажется, назывался её дом? — вспомнил Чарльз.

— Что-то вроде этого. Я уже и не помню.

— А что, если в Мач Фрэншем несколько мисс Прайс? — засомневался Чарльз.

— Но здесь написано: «Э. Прайс», — возразила Кэри. — А мисс Прайс звали Эглантин.

— Ты уверена? — переспросил Чарльз, слегка побледнев.

— Ну да. Эглантин Прайс, — убеждённо повторила Кэри.

Брат и сестра переглянулись и снова склонились над газетой.

— Здесь написано: «двух детей», — засомневался Чарльз.

— Но Пол может спать где угодно. Тем более, если мисс Прайс узнает, что это мы. Не сомневайся.

Отличная идея! Мама постоянно занята на работе, так что летние каникулы всякий раз превращались в серьёзную проблему. Прошрое лето они провели на ферме в Корнуолле. Там было здорово, может, и в этом году их отправят туда.

— Но Мач Фрэншем намного ближе к Лондону, — заметила Кэри. — Мама могла бы навещать нас. А если мы скажем ей, что мисс Прайс была приятельницей тёти Беатрисы...

— Ну, не совсем приятельницей...

— Да, а про персики забыл?

Чарльз промолчал.

— А как насчёт латунного шарика? — спохватился он немного погодя.

— А что?

— Где он?

Кэри забеспокоилась.

— Не знаю. Надо будет поискать. Где-нибудь да лежит.

— С чего ты взяла? Сколько вещей у нас в доме пропадает с концами, сколько потом не ищи. Поеду я лучше в Корнуолл. Без шарика у мисс Прайс делать нечего.

— Верно, — согласилась Кэри. — В Корнуолле хоть купаться можно... да ещё там пещеры и скалы... — Она задумалась. — Кажется, я видела его в коробке с ножами.

— Там его больше нет.

— А в ящике с инструментами?

— Он там долго валялся, но, когда переделывали шкаф в детской, пропал.

— Ну, не знаю, — пробормотала Кэри, — только я видела его в какой-то коробке или ящике. Там ещё лежали старые дверные ручки и отвёртки.

— Старые дверные ручки? — оживился Чарльз. — Тогда я догадываюсь, где это.

— Где?

Чарльз выскочил из-за стола.

— В холщовом мешке, который висит на гвозде в кладовке.

Там они его и отыскиали. Шарик слегка проржавел и был заляпан побелкой. Кэри и Чарльз посчитали находку добрым знаком.

— Бедфордшир вместо Корнуолла? — недоумевала миссис Вильсон. «С чего это их так тянет к какой-то скучной старой деве? Это неспроста, что-то здесь не так».

Но на все её вопросы у детей находились вполне разумные объяснения. Послушать их, так лучшей компании, чем эта мисс Прайс, и не сыщешь.

Миссис Вильсон написала письмо и договорилась о встрече.

Дети бродили по дому как во сне и терзались предчувствиями. Но они беспокоились напрасно: беседа за чаем у мисс Прайс рассеяла подозрения и страхи миссис Вильсон, хотя она по-прежнему не понимала, чем эта леди так приворожила её детей. На первый взгляд — вполне заурядная дама, в точности как Кэри и описала её: тихая, замкнутая, немного нервная, чопорная, но в то же время приветливая. Она тепло отзывалась о детях и согласилась принять всех троих при условии, что они будут аккуратно обращаться с её вещами и немного помогать по дому.

— Ах, как замечательно! Как здорово! — запела Кэри, выслушав рассказ о встрече.

От радости она пустилась в пляс, а Чарльз от восторга сделал стойку на голове. Только Пол оставался невозмутимым, сидел на ковре и наблюдал за старшими.

— А мы и спать там будем? — поинтересовался он, наконец, у мамы.

Миссис Вильсон с подозрением посмотрела на младшего сына: что это у него голос такой вкрадчивый и глядит паинькой?

— Да, Пол, — ответила она, слегка озадаченная. — Конечно, вы будете там спать. — «Опять это предчувствие!» — А почему ты спрашиваешь?

Мальчик загадочно улыбнулся, а потом отвернулся и принялся выщипывать ковёр.

— Просто так, — проговорил он безразлично.

Глава 2. И снова потерян

Сойдя на станции, дети поначалу испугались, что их никто не встречает, но потом Кэри заприметила вдалеке у перекрёстка повозку молочника.

— Пошли, — скомандовала она, — вон мистер Бисселтуайт.

Кэри сама изумилась, как быстро она вспомнила эту фамилию: «Мистер Бисселтуайт, молочник... ну конечно».

— Мисс Прайс заказала на лето две лишние пинты молока, — сообщил мистер Бисселтуайт, пока они усаживались в повозку. — Сказала — для вас. А мальчуган-то подрос, — добавил он, взглянув на Пола.

— Мы все выросли, — ответила Кэри.

Поезд уехал, и перрон опустел.

Луга вдоль дороги пахли клевером, высоко в небе пел жаворонок. Цок-цок-цок — стучали копыта. Запах пони смешивался с ароматом полей. Повсюду царил глубокий деревенский покой.

— А вон холм Лудильщика, — вспомнил Чарльз. «Холм Лудильщика? Удивительно, как названия всплывают сами собой!.. И Римские развалины...» — Посмотри, Пол, вот тот поросший травой холм, похожий на стену, — остатки римской крепости.

Мальчик поглядел на подёрнутый дымкой зелёный холм, одновременно и далёкий и близкий. А вдруг это ему снова снится? Повозка молочника, цоканье копыт по каменистой дороге, медленно вздымающийся и опускающийся круп пони и лёгкое поскрипывание колёс.

— Дом мисс Прайс, Пол, вон там, под горой, — указала Кэри. — Его пока не видно. Видишь ту дорожку? Она ведёт на ферму какого-то Боди.

— Лоубоди, — подсказал мистер Бисселтуайт.

— Ага, ферма Лоубоди. А вон и Дальний лес.

— Послушай-ка, Пол, — заговорил Чарльз. — Видишь те кедры — высокие деревья за церковным шпилем? Там был дом тёти Беатрисы, у которой мы жили в прошлый раз.

— Он перешёл Управлению водоснабжением, — сказал мистер Бисселтуайт.

— Да? А когда? — заинтересовалась Кэри.

— Примерно через год после смерти вашей тёти.

— Да? — снова повторила девочка.

Она немного помолчала, пытаясь представить себе мрачный дом без тёти Беатрисы, без высоких буфетов и тяжёлых портьер, без ковров, столов, пальм в кадках, без...

— Мистер Бисселтуайт, — окликнула Кэри молочника.

— Что?

— А мебель тоже досталась Управлению?

— Нет, мебель продали.

— Кому?

— Ну, устроили что-то вроде распродажи. Понаехали торговцы из Лондона, да и местным кое-что перепало. Моя жена купила рулон линолеума и пару стульев.

Итак, мебель распродана! Какой-то незнакомец купил кровать Пола и теперь спит на ней по ночам, застилает утром, расправляет простыни, переворачивает матрасы.

— Неужели всё продали? — не унималась Кэри. — Кровати и всё-всё-всё?

— Пожалуй, что так, — подтвердил молочник. — Управлению кровати-то ни к чему. Ну, вот мы и добрались! — воскликнул он, подбадривая пони. — Узнаёте наши места?

Это была та самая улица, на которой жила мисс Прайс и которая тянулась за садом тёти Беатрисы. Сердце Кэри забилось сильнее при виде ярких соцветий вьющихся роз, что оплетали живую изгородь из боярышника и калитку мисс Прайс. Теперь розы были выше и гуще, да и цвели пышнее, чем два года назад. Вот и калитка с белой табличкой «Малый Ольшаник».

Кэри оглянулась на Чарльза: похоже, и он волнуется.

— Приехали, — объявил мистер Бисселтуайт. Повозка остановилась. — Дайте-ка помогу вам снять чемоданы.

Калитка слегка скрипнула, когда дети приоткрыли её, щёлкнул замок. Словно во сне, они прошли к дому по прямой мощёной дорожке между клумбами. «Глупо так волноваться», — уговаривала себя Кэри.

Не успели гости прикоснуться к дверному молотку, как дверь распахнулась и на пороге появилась мисс Прайс, бодрая, улыбающаяся и слегка смущённая.

— Я услышала, что калитка открылась, — объяснила она, забирая у Кэри чемодан. — Так-так! Всё прекрасно! Осторожнее на крыльце, Пол, его только что вымыли.

Такой они её и помнили. Но всё же что-то изменилось. Столько времени прошло! Взглянув на длинный розовый нос мисс Прайс, Кэри вдруг успокоилась. Это был добрый нос, успокаивающий нос, нос, на котором когда-то — так давно! — дрожала слезинка. Да, это была мисс Прайс!

Аромат горячих лепёшек наполнял маленькую прихожую.

— Подождите, я найду кошелёк... Как ты вырос, Пол... — приговаривала мисс Прайс. — Поставьте, пожалуйста, вот сюда, у часов, мистер Бисселтуайт... Три шиллинга шесть пенсов отнять от десяти шиллингов, будет... Пол, голубчик, не трогай барометр, гвоздь еле держится... Так, подождите, дайте сообразить.

Наконец мистер Бисселтуайт откланялся, и тогда в столовой, которую почти всю занимал квадратный стол, так что стулья были притиснуты вплотную к стенам, накрыли стол к чаю. Детей угощали лепёшками с джемом и паштетом. Через кружевные занавески можно было разглядеть холм Лудильщика, сверкавший золотом в лучах

вечернего солнца. Кэри успокоилась, она чувствовала себя отдохнувшей и счастливой. После чая мисс Прайс показала детям их комнаты.

Дом был маленький, не очень старый, но и не новый. Ковровая дорожка крепилась к ступеням латунными прутьями, а на самом верху над лестницей висела картина «Вишня в цвету». Комната Кэри была вся заставлена: на шкафу высились картонные коробки, а за деревянной вешалкой для полотенец был спрятан портновский манекен. Всё блестело чистотой. На туалетном столике красовался кувшин с резедой, а на каминной полке — ваза с розами.

Комната Чарльза была попросторнее, но и здесь царил образцовый порядок, стояла железная кровать и выкрашенная бежевой краской мебель. Видимо, прежде это была комната прислуги.

— А Полу, боюсь, придётся спать на диване в моей спальне, — сказала мисс Прайс. — Я ведь не случайно написала в объявлении — «двух детей». — Она поспешно улыбнулась им и нервно взмахнула тонкой рукой. — Конечно, я и подумать тогда не могла, и мечтать не смела, что это окажетесь вы.

— Вы, наверное, удивились? — спросила Кэри, подходя поближе. Они остановились у кровати Чарльза.

— Ещё бы! Видишь ли, я не очень люблю малознакомых людей, но вынуждена сдавать комнаты.

— Почему? — спросил Пол.

— Жизнь становится всё дороже, — неопределённо заметила мисс Прайс. Вдруг она разоткровенничалась: — Это всё из-за новой раковины на кухне. Нержавеющая сталь — ни единого пятнышка, видишь такие? Да ещё водопровод... всё как-то навалилось... Вообще-то, я предпочитаю иметь дело с детьми, вот и подумала, что по объявлению в «Таймс» смогу найти двух хорошо воспитанных ребятшек.

— И вы нашли нас, — заключила Кэри.

— Да, — согласилась мисс Прайс. — Я нашла вас. Знай я заранее, — оживилась она, — можно было бы обойтись без объявления. Теперь давайте-ка распакуем чемоданы. А где вещи Пола?

— Бóльшая их часть в чемодане Чарльза, — объяснила Кэри. — Мисс Прайс...

— Да?

— А можно нам... можно нам осмотреть другие комнаты?

Мисс Прайс сжала руки и с подозрением взглянула на девочку.

— Ты имеешь в виду кухню и туалет?

— Я имею в виду, — Кэри набрала побольше воздуха, — я имею в виду ваш кабинет.

— Ага, — подхватил Пол, — можно нам поглядеть на чучело крокодила?

Мисс Прайс подняла глаза, уголки её рта странно подрагивали, но взгляд оставался строгим.

— Никакого чучела крокодила у меня нет, — заявила она.

— Он хотел сказать — аллигатора, — поправил братишку Чарльз.

— И аллигатора тоже.

5285.69

Областна   ии   отека
для   юн   ства
и   г

От изумления дети на миг потеряли дар речи. Три пары глаз неотрывно смотрели на мисс Прайс, но её лицо оставалось строгим и непроницаемым.

— А... — пролепетала Кэри.

Мисс Прайс откашлялась и с тревогой посмотрела на детей.

— Что ж, убедитесь сами, — произнесла она каким-то чужим голосом, порылась в кармане юбки и извлекла связку ключей. — Пойдёмте, — хмуро позвала она.

И вот спустя два года дети снова оказались в полутёмном коридоре, ведущем в кухню. Когда мисс Прайс вставила ключ в замочную скважину, сердце Кэри учащённо забилося. Она сжала руки, пытаясь унять дрожь.

Мисс Прайс отступила в сторону.

— Входите, — пригласила она. — Смелее.

Дети проскользнули мимо неё и застыли в молчании, уставясь на полки.

— Правда, замечательно? — сказала мисс Прайс.

— Да, — хрипло проговорила Кэри.

Аллигатор исчез, не было ни карты созвездий, ни тетрадей, ни глаз тритона, ни коробок с сушёными мышами. Их место заняли бесконечные ряды банок с консервированными фруктами и овощами самых разных расцветок: от желтовато-зелёного крыжовника до тёмно-малиновой маринованной капусты.

Мисс Прайс провела пальцем по этикеткам:

— Помидоры, яблочное повидло, сливы, ежевика — её хорошо смешивать с чёрной смородиной, знаете об этом?

— Нет, — призналась Кэри.

— Красная смородина, груша кусочками, маринованный эстрагон, чатни — такая острая приправа из зелёных помидоров... А это что? А, вспомнила — грибной кетчуп. Этикетка, видно, отклеилась. — Она поднесла банку к свету. — Что-то он помутнел, — мисс Прайс отставила банку. — Часть консервов ещё прошлогодние, — поспешно объяснила она. — Красная смородина, настойка шиповника... Ну, как? — добавила она, словно ожидая похвалы.

— Это... — Кэри запнулась. — Это очень мило.

Пол не сводил с мисс Прайс тревожного взгляда.

— А крокодил куда делся? — напрямик спросил он.

Мисс Прайс вздохнула.

— Видишь ли, Пол, я...

Кэри поспешила прийти ей на помощь.

— Нельзя же хранить вещи вечно, Пол, — девочка покосилась на полки. — Подумай-ка о пудингах. Представляешь, какие получатся великолепные пудинги!

— Угу, — согласился Пол.

— Видишь ли, Пол, — продолжила мисс Прайс уже спокойнее, — часто люди увлекутся ненадолго каким-нибудь делом, а потом забросят его. Вот, например, курение. Люди часто бросают курить. — Пол всё больше хмурился. — Или выпивка. Люди часто бросают пить.

Мальчуган ещё больше помрачнел. Мисс Прайс ободряюще улыбнулась ему.

— Разве тебе самому не приходилось отказываться от сладкого на время поста?

Пол моргнул.

— Да, но...

— Пойми, — резко перебила его сестра, — с аллигаторами покончено. А теперь — пошли.

Она потащила братишку к двери.

— Навсегда? — не унимался Пол.

— На веки вечные, — кивнула мисс Прайс.

— А может, только на время поста? — с надеждой переспросил Пол.

Мисс Прайс метнула в его сторону настороженный взгляд.

— Пост давно закончился, — пробормотала она и добавила уже более решительно: — Нет, на веки вечные. Ничего нельзя делать наполовину.

— Во всём хороша мера, — вставил Чарльз.

— Только не в колдовстве, — отрезала мисс Прайс.

— Когда-то вы говорили, что и в колдовстве тоже.
— Разве? Неужели я так говорила?
— Конечно, я это прекрасно помню.
— В самом деле? — задумчиво произнесла мисс Прайс. —
Что ж, что было — то было. Идёмте. Полу пора ложиться спать.
Осторожнее на лестнице.

Пока Кэри купала Пола, Чарльз вышел проветриться в палисадник. Он облокотился на изгородь и смотрел на холм Лудильщика. Выходит, мисс Прайс забросила колдовство! Вот так всегда: стоит о чём-нибудь раз мечтаться, как тебя подстерегает разочарование. Когда они отыскиали шарик от кровати, то сочли это добрым знаком, но теперь бесполезная находка лишь усиливала горечь потери. Мальчик вспомнил Корнуолл. Отличная там была рыбалка! Вспомнил скалы, и бухты, и берег при отливе. «Что ж, — сказал он сам себе, — всё же мы в деревне. Значит, можно гулять, исследовать окрестности и купаться в реке. Вдруг повезёт, и ещё лодка найдётся».

Чарльз почувствовал, как что-то зашевелилось у него под ногой. Это крот, копая в земле ход наверх, угодил прямо ему под ноги. Мальчик упал на колени и принялся разрывать руками мягкую землю у забора. Он так увлёкся, что не заметил, как подошла Кэри.

— Чем занимаешься?

— Ловлю крота, — Чарльз присел на корточки, взглянул на сестру и замер. — Что стряслось?

Кэри казалась испуганной.

— Пошли, покажу кое-что.

— Дай мне сначала с этим закончить.

— Ты его всё равно не поймаешь, — Кэри запнулась. — Пойдём, это важно.

— Что — это? — заинтересовался Чарльз.

— Сам увидишь.

— А сказать не можешь?

Кэри повернулась и пошла к дому. Брат поплёлся за ней. У парадной двери он пробубнил:

— Могла бы всё-таки и сказать мне.

Кэри обернулась и прижала палец к губам.

— Тсс, — прошипела она.

— А где мисс Прайс? — спросил Чарльз громким шёпотом.

— Тсс, — ещё раз шикнула Кэри. — На кухне, трёт сыр для макарон. Идём.

Брат и сестра поднялись по лестнице.

— Это там, внутри, — пояснила Кэри, — где Пол спит.

Она распахнула дверь в спальню мисс Прайс: чистую, аккуратную и благоухающую. Над камином висела большая фотография мужчины в военной форме. На туалетном столике лежали серебряные расчёски и стояло фарфоровое деревце для колец. Пола уложили на небольшой викторианской кушетке с резной спинкой — она пришлась мальчику в самую пору.

— Вроде всё в порядке, — пробормотал Чарльз, глядя на брата, казавшегося непривычно чистым и круглолицым.

— Что в порядке? — не поняла Кэри.

— Да кровать Пола.

— Я совсем не его кровать имела в виду.

Чарльз проследил за взглядом сестры. Кровать мисс Прайс была застлана белым вышитым покрывалом, а на подушке лежал чёрный

шёлковый чехол для ночной рубашки, украшенный сатиновыми бабочками и похожий на грелку для чайника.

— Ну и тупица! — не выдержала Кэри. — Посмотри хорошенько на кровать!

Обыкновенная металлическая кровать, такая, как сотни других, вот только на правом столбике в изголовье вместо второго металлического шарика торчал лишь заржавленный штырь.

— Ну и ну, — пробормотал Чарльз и от неожиданности опустился на кушетку Пола.

— Думаешь, это — она? — спросила Кэри.

Чарльз откашлялся.

— Да, — произнёс он серьёзно, — должно быть, она.

— Таких кроватей сотни. Что, если она у неё уже тысячу лет стоит? Просто она купила её тогда же, когда и тётя Беатриса.

— Может, и так, — согласился Чарльз. — Но штырь. Похоже, это — она, должна быть она. Мисс Прайс, наверное, купила её на распродаже. — Он обернулся к сестре. — Это легко проверить. Принеси-ка шарик.

— В том-то и загвоздка, — вздохнула Кэри. — Шарик пропал!

— Пропал?

— Ага, пока я купала Пола, мисс Прайс разбирала вещи. Я потом всё обыскала. Можешь сам посмотреть. Он как в воду канул.

— Это она взяла, — сказал мальчик.

— Наверняка.

— Вот невезуха! — в отчаянии воскликнул Чарльз.

Пол, лёжа на кушетке, угрюмо наблюдал за братом и сестрой из-под аккуратно заправленного одеяла.

Глава 3. Долг платежом красен

Ну вот, как дошло до дела — птичка улетела. Конечно, мисс Прайс была рада приезду детей, заботилась о них и даже поселила Пола на диване в своей комнате. Она читала им по вечерам, учила играть в крокет и обещала сводить в Пеппериндж Ай, на ферму Лоубоди и к Римским развалинам. Только вот колдовство она, видно, забросила навсегда и думать о нём забыла. Пол заметил раз что-то голубовато-розовое за стеклянными банками в кладовке и решил было, что это карта зодиака, но рассмотреть её как следует он не смог: дверь-то почти всегда была закрыта.

Неужели все их надежды и ожидания оказались напрасны?

Но в один прекрасный день...

В обязанности Кэри входило с вечера расставлять начищенную обувь у каждой кровати. И вот, спустя неделю после приезда, она забыла сделать это вечером, поэтому перед завтраком взяла ботинки Пола и тихонько, стараясь никого не разбудить, проскользнула в комнату мисс Прайс. И обнаружила, что кровать исчезла!

Там, где она прежде стояла, остался лишь тонкий (просто тончайший) слой пыли да пара тряпичных тапочек. Аккуратно сложенное покрывало лежало на комоде, все прочие вещи остались на своих местах. Диван Пола стоял на своём обычном месте в углу, его одежда висела на стуле, но самого мальчика нигде не было.

Кэри помчалась вниз за Чарльзом. Медленно, в полусне он поднялся вслед за сестрой наверх и тоже увидел пустую комнату. Брат и сестра принялись обсуждать случившееся. Они просто глазам своим не верили!

— Говорил я тебе, это та самая кровать, — напомнил Чарльз. — Я её сразу узнал по ржавому штырю.

— Поступить так у нас за спиной! — негодовала Кэри. — Сначала притворяться, что о волшебстве и думать забыла, а потом выкинуть такую штуку! Тайком!

Пока Кэри одевалась, гнев закипал в ней всё сильнее. Она с такой яростью чистила зубы, что даже дёсны раскровила. Кэри едва не лопнула от злости, когда услышала, как в комнате мисс Прайс что-то стукнуло, а потом Пол весело спросил, будет ли на завтрак малина.

Не успели Чарльз и Кэри сесть за стол, как появилась мисс Прайс, а за ней следом Пол. Мисс Прайс, оживлённая и подтянутая, как ни в чём не бывало подошла к сервировочному столу положить себе овсянки. В облике Пола тоже не было ничего необычного, если не считать нечёсанных волос да надетого задом наперёд пуловера — видно, одевался впопыхах. Мальчик торопливо прошмыгнул на место. Мисс Прайс подошла с тарелкой к столу. Она выглядела такой бодрой, будто только что приняла холодный душ.

— Славный денёк! — заметила она весело, наливая кофе, и улыбнулась детям. — Чем бы нам сегодня заняться?

Лицо Кэри окаменело.

— Мы ещё об этом не думали, — ответила она холодно.

— Как насчёт пикника на Римских развалинах? — беспечно предложила мисс Прайс.

— Мне кажется, Римские развалины неподходящее место для пикников, — возразила Кэри.

Мисс Прайс удивлённо посмотрела на неё.

— А ты что предлагаешь, Чарльз?

— А что будет делать Пол? — с подозрением спросил мальчик.

Мисс Прайс слегка смутилась.

— Как что, пойдёт с вами. Правда, если вы отправитесь к Римским развалинам... это, пожалуй, для него далековато.

— Мне кажется, мы не должны бросать Пола, — заявил Чарльз.

— Разумеется. Я только подумала, что иногда вам с Кэри хочется побыть вдвоём...

— Нет, — отрезала Кэри, — мы предпочитаем быть с Поллом. Всегда.

Мисс Прайс ещё больше удивилась, да и Пол тоже. Он застыл с ложкой, полной овсянки, и не замечал, что молоко капало на пуловер.

— Пол, — окликнула его мисс Прайс.

Пол очнулся и быстро проглотил кашу. Мисс Прайс вытерла ему пуловер.

— Что ж, — сказала мисс Прайс, когда завтрак был окончен, — решайте сами. У меня с утра уроки музыки, но к обеду я освобожусь. Пол, умойся, пожалуйста.

Ожидая младшего брата, Чарльз и Кэри вышли в сад. Пол появился почти следом за ними, горланя: «Чу! Ангелы-предвестники поют». Кэри и Чарльз, не говоря ни слова, быстренько подхватили братишку под руки и поволокли сквозь изгородь на луг. Они отвели его подальше от дома и усадили в высокую траву.

— Пол, — строго начала Кэри, подражая голосу тёти Беатрисы, — увивать бесполезно. Нам с Чарльзом известно всё.

Пол в недоумении смотрел то на брата, то на сестру и старался высвободить руки.

— Вы с мисс Прайс, — продолжала Кэри, — опять летали на кровати. Не отпирайся. Мы с Чарльзом всё видели.

Пол и не думал отпираться.

— Вы что, видели, как мы взлетали?

— Неважно, — мрачно отрезала Кэри.

Пол, почувствовав настроение старших, сидел тихо. Он исподлобья поглядывал на брата и сестру и был похож на привязанного в стойле пони.

— Ну, что ты на это скажешь? — спросила Кэри.

Похоже, Полу нечего было сказать. Он с отрешённым видом шевелил ступнями, словно всё это его не интересовало.

— И давно вы так летаете?

— Нет, — ответил Пол и ещё раз попытался высвободиться. — Мы только разок попробовали.

— Значит, это было первое испытание?

— Да.

— Ну, и как она работала, нормально? — поинтересовался Чарльз уже дружелюбнее.

— Угу.

Кэри отпустила руку братишки.

— А куда вы летали?

Пол улыбнулся.

— Отвечай! — потребовала сестра. — Мы всё равно узнаем.

— А вы угадайте!

— Ну, ладно. Только отвечай «да» или «нет», и можешь ещё говорить «вроде того».

— Это место в Западном полушарии? — спросил Чарльз.

— Нет.

— Значит, в Восточном? — уточнила Кэри.

— Нет.

— Выходит, это было не в этом мире! — изумился Чарльз.

— Да нет, в этом, — возразил Пол.

— Тогда это должно быть либо в Восточном, либо в Западном полушарии.

— Нет, ни в чём таком мы не были.

— Он просто не знает, что такое полушарие, — догадался Чарльз.

- Нет, я знаю, что это такое, — заупрямился Пол.
- Ну и что же?
- Это означает... это не означает Блоудич.
- Так вы туда летали!
- Ага.
- Всего лишь до Блоудича?
- Да.
- Но туда же пешком дойти можно! — удивился Чарльз.
- Мы ведь только хотели проверить, действует она или нет, — объяснил Пол.
- Ты это сам придумал?
- Нет. Мисс Прайс меня попросила. Она сказала: «Давай-ка немного повернём шарик, не думаю, что сработает».
- Заклинания не устаревают, — заявила Кэри.
- Откуда ты знаешь? — изумился Чарльз.
- Это очевидно.
- Они немного помолчали. Потом Кэри сказала примирительно:
- Теперь мне всё ясно. Но всё равно это нечестно! Мне всегда казалось несправедливым, что только Пол может завинчивать шарик.
- Но это же его шарик! — возразил Чарльз. — Всё по-честному. Здорово, что он вообще есть, а кто вертит — дело десятое.
- Пожалуй, — согласилась Кэри. — Но раз они его уже испробовали, значит, теперь наш черёд. Мисс Прайс может поступать, как ей вздумается, но мы-то никогда не собирались бросать колдовство.
- Что же нам делать? Ведь кровать-то в комнате мисс Прайс! Кэри перебросила косичку за спину.
- Вот пойду и спрошу её напрямик.
- Чарльз уважительно промолчал.
- И ещё, — продолжила Кэри. — Помните, когда мисс Прайс объясняла нам заклинание, она сказала, что, если повернуть шарик в обратную сторону, можно попасть в прошлое. Так пусть она хоть разок позволит нам слетать в прошлое. А потом можно и бросить колдовство — на время, хоть я не понимаю, кому от этого будет польза. Колдовство ведь можно было бы использовать для обороны или чего-нибудь в этом роде...
- Что ты такое говоришь, Кэри! — заволновался Чарльз.

Девочка смутилась.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась она, сорвала лист щавеля и задумчиво принялась его жевать.

На минуту ей представились огнедышащие драконы, изрыгающие ядовитый газ, и целые армии, по мановению волшебной палочки превращающиеся в мышей. Вот ужас! Представьте, что, скажем, чей-то брат возвращается с войны в виде белой мыши, и его потом всю жизнь держат в клетке на столе в гостиной. А как вы приколете мышке на грудь медаль за боевые заслуги?

— Вот видишь, — заметил Чарльз, — мисс Прайс права: во всём хороша мера.

— Согласна. Но что плохого, если мы разок слетаем в прошлое?

— Что ж, спросить, конечно, можно, — уступил брат.

После ужина дети обступили мисс Прайс. Она выслушала все доводы и признала справедливость их слов, но только вскидывала руки и приговаривала: «О Боже! О Боже!»

Дети пытались переубедить её. Они старались говорить очень рассудительно и здраво:

— Всего-навсего один полёт, мисс Прайс, а потом мы и думать об этом забудем! Обидно не побывать в прошлом.

— Не по душе мне эта затея, — твердила мисс Прайс. — Не нравится, и всё. Случись что, я вас оттуда не смогу вызволить, я ведь сожгла все книги!

— Не может быть! — ужаснулась Кэри.

— Да, сожгла, — призналась мисс Прайс. — Оставлять их было слишком опасно.

— А наизусть вы ничего не помните?

— Ничего стоящего. Один-два пустяка... Боже, что я наделала! Я ведь только хотела проверить, действует ли заклинание. Я и подумать не могла, что всё начнётся снова.

— Ну пожалуйста, разрешите нам попробовать, — умоляла Кэри. — Один разочек. Мы потом больше никогда не будем вас просить. Мы ведь сдержали слово: никому не проболтались, что вы колдунья. А если вы нам не позволите ещё раз воспользоваться вашим колдовством, то и мы не станем хранить тайну...

— Кэри! — воскликнула мисс Прайс. Она поднялась, глаза её странно заблестели, а длинный нос стал длиннее и тоньше, подбородок заострился. Кэри в ужасе отшатнулась.

— О, мисс Прайс! — пролепетала девочка.

— Если бы я могла представить, — начала мисс Прайс, склонившись над испуганной девочкой, — если бы я хоть на минуту тогда могла представить!

— Не надо так говорить, — всхлипнула Кэри, — мы никому не разболтаем. Мы ведь обещали, и мы так вас любим! Но, — добавила она дерзко, — долг платежом красен.

Мисс Прайс ещё некоторое время не сводила глаз с Кэри, а затем бессильно опустилась на стул и сложила руки на коленях.

Она вдруг погрузилась и осунулась.

— С профессиональной точки зрения, — проговорила она, — мне грош цена. Мне бы следовало наложить на вас заклятие и заставить замолчать раз и навсегда. — И, вздохнув, добавила: — Но теперь уже поздно.

Кэри с трепетом дотронулась до безжизненной руки мисс Прайс:

— Не волнуйтесь, мы вас не выдадим, честно.

— С профессиональной точки зрения, вы были просто великолепны! — заявил Чарльз.

— Ты и вправду так думаешь? — с сомнением переспросила мисс Прайс.

— Да, мы все так считаем, — уверила её Кэри. — Не теряйте мужества, вы всё вспомните, надо только постараться.

— Ты полагаешь, у меня получится? Ты это не из жалости говоришь?

— Я в этом уверена.

Мисс Прайс провела рукой по волосам, словно поправляя причёску.

— Надеюсь, ты права, — произнесла она своим обычным голосом. — И со временем, когда вы поднаберётесь опыта, может, мы найдём какое-нибудь место, полезное для вашего образования. И, если вы дадите слово вести себя благоразумно, то... — она строго взглянула на детей, — небольшое путешествие, думаю, никому не повредит.

Глава 4. Прошлое

Жил-был в Лондоне во времена короля Карла Второго один чернокнижник*****. (Эти шесть звёздочек для того, чтобы дать тебе время разузнать, кто такой чернокнижник. Узнал? Тогда читай дальше.) Жил он в маленьком домишке в Крипплгейте, в комнате под самой крышей, куда вела узкая лестница. Он был очень нервный и не любил дневного света. На то у него были две веские причины. Хочешь знать какие? Слушай. Сначала я расскажу тебе о первой.

Мальчиком он попал в учение к известному чернокнижнику — старику, дело которого потом унаследовал. Колдун был жизнерадостным, весёлым толстяком, но, чтобы внушить посетителям страх и почтение, во время их визитов облачал свои белые тела в длинный чёрный плащ с меховой опушкой и напускал на себя угрюмость. В долгополом чёрном одеянии, без тени улыбки на лице он выглядел солидно, словно мэр, и не менее мрачно, чем помощник стряпчего.

Молодой чернокнижник, которого звали Эмилиус Джонс, старательно учился колдовскому ремеслу. Холодными лунными ночами юноша ловил котов на кладбище, а в серых сумерках рыскал по пустынному берегу в поисках семи одинаковых белых камушков, омытых последней волной отлива. Он растирал пестиком в ступке сушёные травы и охотился на крыс в сточных канавах.

А тем временем старик грелся у очага, водрузив ноги на скамеечку, попивал подогретое белое вино с корицей и, кивая головой, приговаривал: «Молодчина, мой мальчик, молодчина...»

Часами при свете свечи юный колдун изучал карту звёздного неба или вертел глобус на подставке из чёрного дерева, пока у него самого голова не шла кругом. Знойными вечерами его посылали босым за город искать в зарослях увядшего вереска веретениц, гадюк и полосатых улиток. Ему приходилось взбираться на колокольни за летучими мышами, таскать воск из церквей и дуть через стеклянные трубки на зелёную слизь до тех пор, пока не начинало шуметь в ушах, а глаза не вылезали из орбит.

Умирая, старый колдун послал за своим учеником.

— Мой мальчик, я хочу тебе кое-что сказать.

Эмилиус сложил покрытые пятнами руки на коленях и почтительно опустил глаза:

— Да, сэр.

Старик повернулся, чтобы поудобнее улечься на подушке.

— Речь пойдёт о колдовстве, — начал он.

— Да, сэр, — повторил юноша.

Старый чернокнижник поднял глаза к потолку и загадочно улыбнулся:

— Его не существует.

Эмилиус в изумлении уставился на учителя:

— Вы имеете в виду...

— Я имею в виду то, что говорю.

Когда ученик слегка оправился от потрясения (впрочем, он так никогда и не оправился до конца), старик продолжил:

— Но всё же это занятие прибыльное. Я мог содержать жену и четырёх дочерей, имел карету с четвёркой лошадей, пятнадцать слуг и француза — учителя музыки, да ещё и барку на реке. Трёх дочерей я удачно выдал замуж. Два моих зятя служат в суде, а третий на Ломбард-стрит, — колдун вздохнул. — Твой бедный

отец, упокой Господь его душу, щедро платил мне за твоё обучение, и если я был строг с тобой, то лишь из чувства долга перед тем, кого уже нет с нами. Колдовство приносило мне неплохой доход, семья моя обеспечена, так что дело моё и этот дом я завещаю тебе. — Он сложил руки на груди и замолчал.

— Но я ничего не знаю, — пробормотал Эмелиус. — Приворотные зелья...

— Подкрашенная вода, — устало объяснил старик.

— А предсказывание будущего?

— Детская игра. Если не очень вдаваться в детали, что бы ты ни напредсказал, рано или поздно сбудется, а что не сбудется, люди рано или поздно забудут. Держись построже, убирай комнату не чаще раза в год, зубри латынь, смазывай глобус, чтоб плавно вращался, и успех тебе обеспечен.

Вот первая причина, по которой Эмелиус стал таким нервным. А вторая заключалась в том, что во времена доброго короля Карла Второго жив ещё был обычай казнить колдунов, волшебников — всех, кто имел дело с магией. И чернокнижник, случись ему ошибиться или нажить себе врага, стараниями раздосадованного клиента мог окончить жизнь весьма незавидным образом.

Будь Эмелиус посмелее, бросил бы опасное ремесло, но отцовские деньги все ушли на обучение колдовству, и молодой человек не решался без гроша за душой начинать жизнь сначала.

В 1666 году Эмелиусу исполнилось тридцать пять лет, но он состарился раньше срока, был худым и нервным. Бедняга подпрыгивал от малейшего писка, бледнел, если лунный луч падал ему на лицо, и вздрагивал при появлении собственного слуги.

Заслышав шаги на лестнице, колдун поспешно принимался твердить коротенькое заклинание, чтобы произвести впечатление на посетителя своими познаниями.

Опасаясь королевских соглядатаев, чернокнижник выдавал себя за музыканта-мечтателя, который получил в наследство дом колдуна. Поэтому при всяком подозрительном шуме за дверью он бросался к клавикордам.

Вот и в тот вечер, услышав шаги в узком коридоре под лестницей, Эмелиус выпрыгнул из кресла, в котором дремал у камина (ночи в конце августа уже несли первую осеннюю прохладу), наступил на кошку, издавшую душераздирающий вопль, зажёг фитиль,

плававший в плошке с маслом, предварительно посыпав его жёлтым порошком, чтобы пламя стало синим, схватил пару сушёных лягушек и пучок белены и, застыв на миг, торопливо, не унимая дрожащих рук, выпалил коротенькое заклинание. При этом одним глазом он глядел на клавикорды, а другой не сводил с двери.

Раздался стук в дверь. Неуверенный, нерешительный стук.

— Кто там? — спросил колдун, готовый, если что, сразу же задуть голубое пламя.

Послышался шёпот и какое-то шарканье, а затем голос, чистый и звонкий, словно серебряный колокольчик, произнёс: «Трое заблудившихся детей».

Эмелиус опешил, кинулся было к клавикордам, затем метнулся назад к голубому огоньку, да так и застыл на полпути, положив одну руку на глобус, а другой сжимая ноты.

— Войдите, — сказал он угрюмо.

Дверь медленно распахнулась, и в темноте коридора черно-книжник разглядел фигуры трёх детей в странной одежде. Они были ослепительно прекрасны. На незнакомцах были балахоны вроде

тех, что носили лондонские подмастерья, только подпоясанные шёлковыми шнурами, а чистота неожиданных гостей жителю Лондона семнадцатого века показалась просто неземной. Кожа их блестела. Нос Эмилиуса уловил исходивший от детей нежный запах — свежий и пряный цветочный аромат.

Чернокнижник задрожал, ноги его подкашивались, ему захотелось сесть. В изумлении уставился он на зажатый в руках колдовской инвентарь. Неужели два сушёных лягушонка и пучок белены дали такой удивительный результат? Эмилиус попытался припомнить набор латинских слов, которые выпалил в спешке.

— Мы заблудились, — произнесла девочка удивительным, каким-то чужеземным голосом, звонким и чистым, как горный хрусталь. — Вот заметили свет в вашем окне, дверь была не заперта, и мы решили зайти спросить дорогу.

— Куда? — пролепетал Эмилиус дрожащим голосом.

— Всё равно куда, — ответила девочка. — Мы совсем потерялись, даже не представляем, где сейчас находимся.

Колдун откашлялся.

— В Крипплгейте, — выдавил он.

— Крипплгейт? — удивилась девочка. — В Лондоне?

— Да, в Лондоне, — прошептал Эмилиус, отступая к камину. Он был изрядно напуган. Откуда взялись эти странные ребята, если даже не знают, что находятся в Лондоне?

Старший мальчик выступил на шаг вперёд.

— Извините, — начал он вежливо, — не могли бы вы сказать нам, в каком мы находимся веке?

Эмилиус взмахнул дрожащими руками, словно стараясь отогнать детей:

— Сгинь! Отправляйтесь туда, откуда пожаловали!

Девочка покраснела и быстро-быстро заморгала. Она оглядела тёмную неприбранную комнату: пожелтевшие пергаменты, стеклянные пузырьки, череп на столе, свечи на клавикордах.

— Извините, если мы вам помешали, — пролепетала она.

Эмилиус метнулся к столу, схватил плошку с маслом, двух лягушек, пучок белены и с проклятиями швырнул всё в очаг. Они зашипели и вспыхнули. Заворожённо глядя на пламя, колдун потёр пальцы, словно очищая их от грязи, потом обернулся, глаза его расширились так, что показались белки. Он уставился на детей.

— Всё ещё здесь! — прохрипел он.

Девочка ещё чаще заморгала.

— Мы сразу же уйдём, — заверила она, — только скажите, какой сейчас год?

— Двадцать седьмое августа одна тысяча шестьсот шестьдесят шестого года от Рождества Христова.

— Тысяча шестьсот шестьдесят шестой год, — повторил мальчик. — Правление короля Карла Второго.

— Ведь через неделю Лондонский пожар! — радостно объявила девочка.

Лицо старшего мальчика просияло.

— Крипплгейт? — подхватил он. — Может, и этот дом сгорит! Пожар начнётся в королевской пекарне на Пуддинг-лейн, пламя перекинется на соседнюю улицу.

Эмилиус вдруг упал на колени и сжал руки. Лицо его исказилось, как от боли.

— Я понял вас, — вскричал он, — продолжайте!

Девочка посмотрела на колдуна и вдруг улыбнулась по-доброму, будто угадала его страхи.

— Мы не причиним вам зла, — сказала она и подошла к чернокнижнику. — Мы просто дети — потрогайте мою руку.

Кэри дотронулась до сжатых рук Эмелиуса. Ладонь её была тёплой и мягкой, человеческой.

— Мы просто дети, — повторила девочка и добавила: — Из будущего. — Она улыбнулась своим спутникам, словно сказала что-то очень умное.

— Да, — подтвердил старший мальчик с затаённой гордостью. — Это правда. Мы прилетели из будущего.

— Это всё? — робко спросил Эмелиус. Колдун поднялся. Он был потрясён.

Тут вперёд выступил самый младший, похожий на ангела: густые золотистые локоны спадали на белое чело.

— Можно мне посмотреть ваше чучело аллигатора? — попросил малыш вежливо.

Эмелиус снял чучело с крючков, которыми оно крепилось к потолку, и без слов положил аллигатора на стол, а сам сел в кресло у камина: его била дрожь.

— Что ещё нас ожидает кроме пожара, который уничтожит этот дом? — мрачно поинтересовался он.

Девочка присела на скамеечку напротив него.

— Мы не очень-то сильны в истории, — призналась она, — но мне кажется, что короля казнят...

— Это Карла Первого казнили, — поправил её брат.

— Ах да. Извините. Мы можем вернуться к себе и разузнать всё хорошенько.

— Не стоит беспокоиться, — угрюмо возразил чернокнижник.

Все немного помолчали. Потом девочка, пытаясь поддержать беседу, заговорила снова:

— А чума у вас была?

Эмелиус пожал плечами:

— Нет, Господь миловал.

— Тоже классная заваруха, — с нескрываемым воодушевлением произнёс старший мальчик.

Девочка, спросив позволения, поворошила угли в камине, чтобы они ярче горели. Эмелиус подбросил ещё одно полено. Грустно смотрел он на разбитую плешку. Старый чернокнижник обманул его дважды: вот ведь он, Эмелиус, нашёл-таки совершенно случайно заклинание, которое удивительным образом подействовало. Пусть эти ребята кажутся неопасными, но иная смесь, брошенная в огонь с такой же безответственной лёгкостью, могла вызвать к жизни всё что угодно — от стада чертей до самого дьявола.

А рассеивать собственные чары он не умел — не знал заклинаний. Что бы ни наколдовалось — так и осталось бы навсегда, и прощай безопасность. Нет, никогда впредь не осмелится он бросить в сердцах серу на огонь, не станет варить суп из лягушачьей икры и наперстянки, вертеть звёздный глобус и не посмеет прибегать к мудрёным латинским заклятиям. Конечно, посетители заметят его нерешительность. Практика придёт в упадок. Бывшие клиенты ополчатся на него, и ему придётся бежать, скрываться в какой-нибудь убогой лачуге или в кишасщем крысами подвале, и того и гляди незначительная оплошность может обернуться тюрьмой, позорным столбом или виселицей.

Чернокнижник застонал и уронил голову на руки.

— Вам нездоровится? — заботливо спросила девочка.

Эмелиус подпихнул бревно подальше в камин, а затем тревожно взглянул в нежное лицо девочки.

— Ребёнок... — произнёс он, в его голосе зазвучали грустные нотки. — Я никогда не знал, что такое быть ребёнком.

— Как же вы можете этого не знать? — удивился старший мальчик.

— Вы всегда жили в городе? — спросила девочка.

— Нет, — признался Эмелиус. — Сначала в деревне. Я хотел сказать, что забыл, что значит быть ребёнком, — пояснил он.

— Ну, не такой уж вы и старенький! — поспешил утешить его мальчик.

— Мне всего тридцать пять! — обиделся колдун.

— Наверное, у вас была тяжёлая жизнь? — посочувствовала девочка.

Чернокнижник поднял глаза. «Тяжёлая жизнь? Ах, вот в чём дело! — подумал он. — У меня была тяжёлая жизнь». Внезапно ему захотелось рассказать детям о себе: годы бесплодного труда, риск, связанный с его профессией, одиночество. Он мог без опаски разговаривать с этими странными детьми, которые, если он сумеет подобрать верное заклинание, вскоре снова вернутся в будущее. Колдун подобрал на колени отороченный мехом плащ — подальше от огня. Из-под плаща стали видны ноги в жёлтых спущенных чулках.

— Мало чья жизнь, — начал он мрачно, — может сравниться с моей.

Затем в витиеватых выражениях чернокнижник поведал о своём детстве, которое, казалось, он успел забыть. О том, как его, совсем маленького, посылали собирать целебные травы и как однажды выпороли за попытку украсть засахаренные сливы, о праздновании Майского дня*, о бедняке, заточённом в колодки за браконьерство, о старом школьном наставнике, который заставлял Эмилиуса носить позорный бумажный колпак в наказание за «неуд.» по латыни, и о ненавистной таблице умножения. А ещё он рассказал о том, как его отдали в учение в Лондон, о лишениях и разочарованиях, о том, как боязно было начинать собственное дело, о жизни в постоянном страхе и о клиентах-должниках.

Колдун всё говорил и говорил. Свечи почти совсем растаяли и потухли. Ребята так увлеклись, что не слышали криков ночного сторожа, объявлявшего время, и не заметили, как за окном забрезжил рассвет.

— Вот так, — заключил со вздохом Эмилиус, — честолюбие отца обернулось мучениями для сына. Сказать по правде, хоть мне и удалось скопить немного золота, но, будь моя воля, я предпочёл бы лечить лошадей в Пеппериндж Ай.

— В Пеппериндж Ай? — изумилась девочка. — Да ведь это по соседству с тем местом, где мы живём!

— Это в Бедфордшире, — уточнил колдун, мысли его всё ещё витали в прошлом.

— Ну да, возле Мач Фрэншем.

— Мач Фрэншем, — повторил он. — Ярмарки в Мач Фрэншем! Что это были за деньки!

— Ярмарки там и до сих пор устраивают, — радостно сообщила девочка. — Конечно, понастроили много новых домов, но шоссе проходит в стороне, так что с виду вроде ничего и не изменилось.

Они принялись обмениваться впечатлениями. Эмилиус признался, что любил купаться в ручье. Ферма Лоубоди и в его времена так называлась. «Отличное новое хозяйство», — отозвался о нём Эмилиус. Оказалось, что и он не раз бродил у Римских развалин.

— Пять часов, — прокричал сторож, проходя мимо окна.

---

* Первого мая в Англии по традиции празднуют наступление весны. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Они раздвинули занавески. Замечательное ясное утро. Восход прогнал темноту, и пыль затанцевала в солнечном луче, проникшем в комнату.

— Вот бы вам снова оказаться в Пеппериндж Ай! — воскликнула девочка. — Увидеть, как там всё сейчас.

Потом настал черёд детей рассказывать о себе и о волшебной кровати. Они объяснили, что оставили кровать неподалёку, за церковной оградой. И тут-то вспомнили про сумку, привязанную к металлической спинке: в ней остались бутерброды с сыром и термос с какао. Эмелиус не решался будить служанку и попытался сам отыскать что-нибудь съестное для гостей — нашёл остатки жареного зайца и кувшин с пивом. Колдун был несказанно рад тому, что не его заклятия вызвали из далёкого будущего этих детей, и ему не терпелось пойти на церковный двор посмотреть на чудодейственную кровать.

Прихватив кувшин с пивом и жареную зайчатину, они отправились в обратный путь. Ворота церковного двора были открыты, и там, за самой большой могилой, они нашли кровать целой и невредимой с авоськой, полной всякой всячины.

Их завтрак прошёл в компании голодных кладбищенских котов. Тем временем город семнадцатого века медленно просыпался и готовился к дневному гомону и суете. Именно там, на церковном дворе, не упоминая имён, дети поведали чернокнижнику о мисс Прайс.

Глава 5. Гость

Мисс Прайс не хотела отпускать своих подопечных одних в столь опасное путешествие, но, связав себя двумя разными обещаниями, она попала в ловушку. Оставшись одна в доме, мисс Прайс легла спать в комнате Кэри.

«Ведь то, что честно с точки зрения детей, — размышляла она, — не совсем честно по отношению к их родителям. К тому же, путешествуя в прошлое, просто невозможно всё предусмотреть заранее».

Конечно, они подсчитали, сколько оборотов может сделать латунный шарик, потом произвели хронологические расчёты. Дети хотели перенестись во времена королевы Елизаветы, но кто знает, что из этого вышло. Чарльз догадался процарапать булавкой линию на шарике и у основания винта. Пол должен был вращать шарик до тех пор, пока обе царапины не соединятся. Расчёты были весьма

приблизительные: ни мисс Прайс, ни дети не знали, охватывает ли вращение шарика всю историю от Сотворения мира или только историю Англии, начиная с Нормандского завоевания в 1066 году. Они предположили последнее.

«Господи, — вздыхала мисс Прайс, ворочаясь на кровати, — пусть они только вернутся домой целые и невредимые. Больше я их никуда не отпускаю!»

Она постаралась тщательно подготовить путешествие, не упустить никаких мелочей. Кровать была аккуратно застелена. Матрас покрыли непромокаемой плёнкой. Мисс Прайс дала детям в дорогу термос с горячим какао, бутерброды с сыром и по паре варёных яиц, снабдила их атласом и походной аптечкой. Давать ли им с собой оружие? И какое? У неё дома не было ничего, кроме кочерги да отцовской сабли.

«Господи! — снова пробормотала мисс Прайс, натягивая одеяло на голову, словно стараясь избавиться от навязчивого видения. — Подумать только, вдруг дети плутают сейчас по мрачной и дикой Англии, кишасей *Diplodocus** и саблезубыми тиграми. А случись беда, от неандертальца помощи не дождёшься», — сокрушалась она.

Наконец под утро мисс Прайс забылась тяжёлым сном. Её разбудил скрип внезапно распахнувшейся двери. Яркий солнечный свет пробивался сквозь неплотно задвинутые занавески. В ногах кровати, озарённая солнцем, стояла Кэри.

— Который час? — спросила мисс Прайс, поспешно садясь на кровати.

— Почти девять. Мальчики уже оделись. Я не хотела вас будить...

— Слава Богу, вы вернулись! О приключениях расскажете потом. Что, завтрак готов?

— Да, мальчики уже завтракают. Только... — Кэри запнулась.

Мисс Прайс, пытавшаяся босыми ногами нашить тапки, подняла глаза на девочку:

— Что — только?

— Нам пришлось поставить ещё один прибор, — осторожно проговорила Кэри.

---

* *Diplodocus* — диплодок (растительноядный динозавр).

— Ещё один прибор?

— Да, видите ли, мы привезли с собой кое-кого...

— Кого привезли?

— Ну, мы подумали, вы не станете возражать. Он даже ночевать не останется. Всего на один денёк, — Кэри с мольбой посмотрела на мисс Прайс и ещё больше покраснела.

— Он? — переспросила мисс Прайс.

— Да. Эмилиус Джонс. Мистер Джонс. Чернокнижник. Ужасно милый, правда. В глубине души.

— Мистер Джонс! — охнула мисс Прайс. С тех пор как много лет назад умер отец, ни один мужчина не переступал порог её дома. Она совсем от них отвыкла — не помнила уже, что они любят есть, о чём предпочитают беседовать. — Ты сказала, кто он?

— Обыкновенный чернокнижник. Мы подумали, вы не будете против. Жил когда-то в этих местах со своей тётёй. Нам показалось, что у вас с ним могут быть общие интересы.

— А кто доставит его назад? — нахмурилась мисс Прайс. — Знаешь, Кэри, по-моему, вы поступили безрассудно. Я уже решила, что это ваше последнее путешествие, а вы возвращаетесь и привозите неизвестного чернокнижника, которого, как вы прекрасно понимаете, придётся отправлять назад. — Она наконец сунула ноги в тапочки. — Как ты сказала, где он?

— В вашей спальне, — прошептала Кэри. — На кровати. Мисс Прайс обомлела.

— О Господи! Только этого не хватало! — Она сунула руки в рукава голубого фланелевого халата. — Как мне теперь прикажешь одеваться, причёсываться и всё такое? Это уже слишком! Отведите его завтракать, я займусь им позднее, — добавила мисс Прайс, с силой затягивая пояс халата.

Эмелиус покорно плёлся за Кэри по лестнице, ошеломлённо глаза по сторонам. Усаживаясь за стол, он чуть не упал на Пола, доедавшего овсянку.

Кэри с беспокойством взглянула на гостя:

— Как вы себя чувствуете, мистер Джонс?

— Ну, я вполне здоров.

— Вы такой бледный.

Эмелиус провёл рукой по взъерошенным волосам.

— Неудивительно, — усмехнулся он.

Кэри с тревогой наблюдала за гостем. Она думала о мисс Прайс: сумеет ли мистер Джонс произвести на неё должное впечатление? При ярком дневном свете чернокнижник выглядел не слишком опрятно: мертвенно-серая кожа, спутанные волосы, свисавшие космами, тонкие безвольные руки, все в пятнах, а под ногтями — тёмные полосы. Дорогой бархатный плащ с меховой опушкой был забрызган грязью и пропитался запахами кухни.

Но исправлять что-то было уже поздно. Мисс Прайс вошла в комнату почти следом за ними, она казалась немного взволнованной. На ней была её лучшая розовая блузка, которую она приберегала для поездок в Лондон. Эмелиус встал — высокий и худой, он возвышался над столом.

Мисс Прайс окинула гостя быстрым пронизательным взглядом.

— Итак, это мистер Джонс? — спросила она, как бы ни к кому конкретно не обращаясь.

— Эмилиус Джонс. Ваш слуга, мадам. Нет, — он низко поклонился, — ваш раб...

— Здравствуйте, — проговорила мисс Прайс смущенно.

— ...удостоившийся чести, — упрямо продолжал гость, — поднять глаза на одну из тех, чье искусство, зрея в веках, подобно семени, проросшему в темной земле и пустившему росток, из которого появились ствол и крона, а затем и цветы, великолепие которых и в двадцатом веке способно ослепить всякого, кто поднимет благоговейный взгляд на...

Мисс Прайс, слегка покраснев, направилась к своему месту у чайника.

— Что ж, — усмехнулась она, — я бы так не сказала. Не хотите ли молока или сахара?

— Ваша щедрость безгранична! — воскликнул Эмилиус, не сводя с хозяйки восхищенного взгляда.

— Вовсе нет. Садитесь, пожалуйста.

Колдун медленно сел. Мисс Прайс сжала губы и молча налила две чашки чая. Передавая чашку гостю, она вежливо поинтересовалась:

— Я слышала, у вас есть тётя в наших краях?

— И дом, — поспешно вставила Кэри. Пусть мисс Прайс знает, что мистер Джонс — человек состоятельный, это поднимет гостя в её глазах. — Со временем дом перейдёт ему по наследству. Дом на холме Лудильщика.

— В самом деле? — недоверчиво произнесла мисс Прайс. Она взяла варёное яйцо и принялась в раздумье постукивать по нему ложкой. — А разве на холме есть дом?

— Ну конечно, — заверил её Эмилиус. — Хорошенький такой, опрятный домик с яблоневым садом.

Его разъяснение, казалось, не удовлетворило мисс Прайс.

— Неужели? — повторила она, но потом, вспомнив правила приличия, спохватилась: — Овсянка, хлопья или...

Гость попросил овсянки. Снова воцарилась тишина, впрочем, относительная: Эмилиус громко чавкал и, как заметила Кэри, ел не очень-то аккуратно. Увидев, как он залпом выпил свой чай («Словно лекарство», — подумала Кэри), мисс Прайс поджала губы и посмотрела на Пола.

— Пойди лучше поиграй, дорогой, — посоветовала она.

— Но я ещё не позавтракал, — удивился Пол.

— Так ешь побыстрее.

Пол шумно чавкал, с удовольствием передразнивая Эмилиуса. Мисс Прайс старалась на него не смотреть, она подцепила ложечкой аппетитный кусочек варёного яйца и, прикрыв глаза, принялась медленно, с наслаждением жевать.

«О Боже!» — всполошилась Кэри, догадавшись, что это означало. Она искоса посмотрела на гостя. Эмилиус уже съел одно яйцо и потянулся за вторым. Он рассеянно счищал скорлупу и вдруг громко рыгнул.

Мисс Прайс и бровью не повела.

— Ещё чая, мистер Джонс? — любезно предложила она.

Эмилиус поднял глаза.

— Спасибо, достаточно, — и, заметив их недоумение, поспешно добавил: — Великолепный настой, лучше и представить нельзя. Говорят, помогает от падучей.

— В самом деле? — удивилась мисс Прайс и замялась: — Не желаете гренки с мармеладом?

— Мармелад?

— Варенье из апельсинов.

— Ах да, конечно, — воскликнул чернокнижник. — Я его просто обожаю. — Он взял ложечку и не спеша съел всё содержимое хрустальной вазочки.

Пол, открыв рот от изумления, следил за гостем во все глаза.

— Ну, а теперь иди поиграй, Пол, — решительноскомандовала мисс Прайс, заметив, что мальчуган собирается что-то сказать. Потом она снова вежливо повернулась к мистеру Джонсу, который, слегка расслабившись, откинулся на спинку стула и задумчиво облизывал десертную ложечку.

— Дети рассказали мне, что вы интересуетесь магией.

Эмелиус торопливо положил ложечку на место и поспешил поддержать беседу:

— Да, это так. Можно сказать, это моё призвание.

— Вы занимаетесь этим ради денег?

Чернокнижник ухмыльнулся и пожал плечами:

— А ради чего ещё?

Мисс Прайс внезапно разволновалась.

— Я не знаю... Видите ли... — она покраснела. — Значит, вы настоящий профессионал! Я прежде ни одного не встречала...

— Ни разу?

— Нет, — мисс Прайс колебалась. — Видите ли... я имею в виду, — она глубоко вздохнула, — это такая неожиданность...

Эмелиус не сводил с неё глаз.

— А разве вы, мадам, не практикуете ради денег?

— Я? Ах Господи, конечно же нет! — Мисс Прайс налила себе вторую чашку чая. — Я всего лишь любитель, причём начинающий.

— Начинающий? — изумился мистер Джонс и ещё пристальнее уставился на мисс Прайс. — Выходит, это не вы, мадам, заставили кровать летать?

— Вы говорите о латунном шарике? Да, это моя работа, но... — она горько усмехнулась и отхлебнула чая, — но, право, это такой пустяк, я просто делала всё по книге.

— Всё делали по книге? — повторил колдун ошеломлённо.

Он достал костяную зубочистку и рассеянно принялся ковырять ею в зубах.

— Да.

У Кэри отлегло от сердца: теперь мисс Прайс щебетала без умолку.

— Мне приходилось взвешивать каждый шаг, сама я ничего придумать не могу. Как бы мне хотелось ИЗОБРЕСТИ заклинание! Вот это было бы здорово! Правда? А между тем... — Она пожала плечами. — Вот вы, осмелюсь предположить, — обратилась мисс Прайс с почтением к чернокнижнику, — наверное, немало заклинаний изобрели?

Эмелиус смущённо оглянулся на Кэри, но поспешно отвёл глаза.

— Нет-нет, — взволнованно запротестовал он, но, заметив выражение лица мисс Прайс, скромно добавил: — Ни одного стоящего. — Он затравленно обвёл комнату взглядом и заметил пианино. — Какой странный инструмент! — изумился гость, словно желая поскорее сменить тему разговора.

Мисс Прайс встала и подошла к пианино.

— Это «Блютнер», — пояснила она, поднимая крышку. — Вы играете?

— Немного.

Эмелиус уселся на вертящийся стул и, слегка прикрыв глаза, словно прислушиваясь к тону, взял несколько нот, затем, покачивая в такт головой и высоко подбрасывая пальцы, сыграл пьесу Уильяма Бёрда. Играл он с большим чувством и строгостью мастера, так, словно это было не пианино, а клавикорды. Игра гостя произвела впечатление на мисс Прайс.

— Очень мило, — осторожно похвалила она и, бросив взгляд на часы, встала и принялась убирать со стола.

— Это было прекрасно! Сыграйте, пожалуйста, ещё! — воскликнула Кэри и бросилась помогать мисс Прайс.

Эмелиус робко улыбнулся в ответ.

— *Saepe labat equus defessus*,* — сказал он, метнув испытующий взгляд на мисс Прайс.

Мисс Прайс осталась безучастной.

— Да, конечно, — неуверенно согласилась она.

— А может, вернее будет сказать: «*Mira nimia oculos inebriant*»,** — продолжил Эмелиус.

— Что ж, — усмехнулась мисс Прайс, — это дело вкуса.

Она громко звякнула тарелками, словно хотела разрядить обстановку.

— Наверное, мистер Джонс хочет сказать, что устал? — поделился Чарльз своей догадкой с мисс Прайс.

Она смутилась и забеспокоилась:

— Ах Боже мой, Боже мой... ну конечно, как я сама не догадалась! Чарльз, голубчик, поставь для мистера Джонса стул под шелковицей, чтобы он мог как следует отдохнуть.

---

* Утомлённый конь может пасть (латинская пословица).

** Избыток чудесного ведёт к опьянению (лат.).

Мисс Прайс окинула взглядом комнату.

— Надо найти мистеру Джонсу что-нибудь почитать. Где «Дейли телеграф»?

Дети не смогли отыскать газету и принесли вместо неё книгу «История Англии в пересказе для маленького Артура».

— Это подойдёт? Она, пожалуй, ему больше понравится, — настаивал Чарльз. — Ведь начиная с седьмой главы, мистер Джонс найдёт в ней много нового и неизвестного.

Дети вышли через заднее крыльцо, чтобы по дороге показать Эмилиусу кухню. С восхищением и удивлением разглядывал гость всевозможные полезные приспособления: электрическую плитку, пластмассовую сушилку для посуды, сверкающую чистотой стальную мойку. В кухне царил образцовый порядок. Гость облёк своё восхищение в чудные витиеватые фразы. Мисс Прайс, казалось, была польщена.

— Вот холодильник я себе ещё не могу позволить, по крайней мере пока, — посетовала мисс Прайс, любовно проводя рукой по сверкающей поверхности мойки. — Замечательная вещь, как вам кажется? Сорок три фунта семь шиллингов и два пенса, не считая плату за установку. Но она того стоит, не правда ли?

В саду Эмилиус наконец пришёл в себя. Его знание растений поразило даже мисс Прайс. Гость поведал ей о разнообразных полезных свойствах самых обыкновенных трав.

Рассыльный мистера Бисселтуайта принёс молоко. Заметив Эмилиуса в долгополом бархатном одеянии, он перестал вдруг насвистывать. Гость встретил удивлённый

взгляд паренька с угрюмым достоинством. Справившись с изумлением, рассыльный с привычной грубоватостью поставил на крыльцо две пинты молока и снова засвистел.

Чарльз и Кэри оставили Эмелиуса с книгой по истории в тени шелковицы, и чернокнижник с большим интересом погрузился в изучение будущего.

Дети отыскивали мисс Прайс в спальне.

— Ну как он вам? Понравился? — прошептала Кэри, как будто Эмелиус мог её услышать.

Мисс Прайс, застлавшая кровать, остановилась, держа простыню в руках.

— Своеобразный человек, — ответила она уклончиво.

— Подумайте только, мисс Прайс, — увлечённо продолжала Кэри, — сколько у вас найдётся общих тем для бесед! Ведь вы ещё даже не успели поговорить толком!

Мисс Прайс нахмурилась.

— Да-а, — протянула она неуверенно.

— Вам выпала редкая возможность, — заметил Чарльз.

Мисс Прайс обернулась и присела на краешек кровати.

— Пожалуй, нам лучше объясниться начистоту, — заявила она решительно. — Мистер Джонс может остаться лишь при одном условии.

— При каком? — в один голос выпалили брат и сестра.

Кончик носа мисс Прайс сильно покраснел.

— Необходимо убедить его хорошенько вымыться и постричься.

— О, я уверена, что он сделает это с радостью, — заверила Кэри.

— А одежду отнести в химчистку.

— Но в чём же он будет ходить всё это время?

Мисс Прайс задумалась:

— У меня остался старый норфолкский костюм моего отца... и... да, пожалуй, ещё что-нибудь отыщется.

Чарльз отправился к шелковице уговаривать Эмелиуса. Их голоса проникали в дом через распахнутое окно. Мальчик что-то монотонно бубнил, а гость взволнованно возражал ему. Разговор затягивался. Несколько раз он ненадолго обрывался. Кэри зажмурилась и скрестила пальцы — она догадывалась, что переговоры шли не совсем гладко. Наконец сквозь пелену листвы Кэри увидела, что

мистер Джонс встал и собеседники направились к дому. Она отступила вглубь комнаты, но расслышала, как Эмилиус предпринял последнюю попытку.

— Что ж, пусть будет так, — пробормотал он, — раз таков здешний обычай. Только учтите: мой дядя от этого мытья заболел лихорадкой и умер.

Приготовление ванны превратилось в сложную церемонию. Мисс Прайс достала пушистое мягкое полотенце и отыскала халат с вышитыми на спине цветущими ветками. Кэри отрегулировала воду, чтобы она была не горячей, а лишь приятно тёплой, и бросила в ванну щепотку ароматических солей, расстелила коврик и закрыла окно. Гости проводили в ванную, Чарльз растолковал ему, как пользоваться водопроводом, и попросил выложить одежду за дверь.

Эмилиус мылся долго. От волнения дети не могли усидеть на месте и бродили по дому, как будто наверху происходило какое-то таинство. Наконец они услышали, что Эмилиус открывает краны и, перекивая шум воды, слегка фальшивя, напевает какую-то песенку, похожую на куплеты из пьес Шекспира.

— Кажется, ему понравилось, — облегчённо вздохнул Чарльз.

После ванны Эмилиус помолодел лет на десять. Норфолкский костюм пришёлся ему как раз впору. «Видимо, отец мисс Прайс был таким же худым и угловатым, как его дочь», — догадалась Кэри. Может быть, туфли с пряжками и были немного не к месту, но в костюме была старомодная добротность, и общее впечатление складывалось благоприятное. Чернокнижник выглядел весьма романтично.

— Словно какой-нибудь поэт из Оксфорда, — заметил Чарльз.

Мисс Прайс критически осмотрела гостя и, казалось, осталась довольна. С помощью расчёски и маникюрных ножниц она слегка подровняла Эмилиусу волосы.

— Вот так гораздо лучше, — заявила она с гордостью. — А теперь покажите мне свои ногти...

Эмилиус покорно позволял вертеть собой как угодно, терпел, когда ему повязывали галстук и поправляли воротник. Тем самым он выказывал почтение искусному мастеру — той, которая всегда знает, как лучше.

Решено было пить чай на природе и заодно провести Эмелиуса лугами к Пеппериндж Ай. Все с радостью отправились на прогулку. Даже мисс Прайс тронуло то, как гость восторженно называл им каждый лесок и поле, встречавшиеся на пути. Мало что изменилось. Тростниковый луг, Стамметс, Канкерху — так их называли и в его время. Блоудич звался прежде Бладидич* — Кровавый ров — в память о прошедших битвах, но Дальний лес так и остался Дальним лесом и был, как заметила Кэри, всё так же далёк. В Пеппериндж Ай колдун не смог отыскать отцовский дом и решил, что на его месте теперь стоит дом священника. Они зашли на кладбище — вдруг Эмелиус похоронен там. Однако его могилы не нашли, зато чернокнижник отыскал могилу тётушки Сары Энн Хобдэй и, соскребя мох с почти стёршегося надгробного камня, обнаружил, к своему изумлению, что она умерла 27 августа 1666 года — в тот самый день (неужели это было вчера?), когда дети переступили порог его дома. Это было как телеграмма.

— Ах Боже! — с сочувствием воскликнула мисс Прайс. — Мне очень жаль. Может быть, нам лучше вернуться домой?

---

* Blood — кровь (англ.).

— Не-ет, — угрюмо протянул Эмилиус. — Харон поджидает каждого. Лучше жить хорошо, чем долго. Я не видел её с детства... — он вздохнул. — Жизнь имеет свои тёмные стороны.

— И светлые тоже, — подхватил Чарльз.

Мисс Прайс резко обернулась:

— Что ты имеешь в виду?

— Чарльз имеет в виду наследство, — пояснила Кэри. — Пойдёмте поглядим на тётушкин дом.

— Ну что ж... — неуверенно проговорила мисс Прайс.

— Я хочу сказать, раз уж мы поблизости. Зачем возвращаться домой в плохом настроении? И мистер Джонс немного развеется, ведь теперь это его дом, — поспешно добавила Кэри.

— Думаете, он сохранился? — засомневался Эмилиус.

Мисс Прайс задумалась.

— А почему бы и нет? — она обернулась к гостю. — Вы помните дорогу?

Ну конечно, он отлично помнил дорогу: туда вела улица Лудильщика. Теперь она превратилась в просёлочную тропинку, исчезающую на ферме. «Посторонним вход воспрещён!» — гласила табличка на воротах. Навстречу им с лаем выскочил огромный чёрный пёс.

— Не беда, — успокоил всех Эмилиус, беря инициативу в свои руки.

Он отвёл их назад к дороге и, обойдя фермерские постройки, повёл полями и рощей к подножию холма. Мисс Прайс слегка разволновалась и растрепалась — она не привыкла лазать через изгороди.

— А вы уверены, что мы не встретим там быка? — с опаской спросила она, забираясь на верхнюю перекладину изгороди.

Наконец они снова выбрались на тропинку, едва различимую в траве. Вот и подножие холма. Отложения известняка, поросшие колокольчиками, редкие группки берёз. От свежего ветра перехватывало дыхание. Путешественники поднялись на холм, и перед ними открылся великолепный вид. Кэри нашла окаменелость, а мисс Прайс потеряла перчатку.

Пока дети искали пропажу, Эмилиус ушёл вперёд. Внезапно он свернул за угол и как сквозь землю провалился. Когда они нашли его, чернокнижник стоял по колено в зарослях колючего кустарника,

под которыми проступали остатки каменной кладки. «Неужели камни, скрытые порослью бузины и оплётённые жимолостью, — это всё, что осталось от его дома?» — подумала Кэри. Слёзы разочарования навернулись ей на глаза.

— А дом в самом деле стоял здесь? — спросила Кэри, втайне надеясь, что она ошиблась.

— Ну конечно! — заверил её Эмилиус.

Он был скорее обрадован, чем подавлен, словно развалины служили доказательством того, что он перелетел через века. Колдун волновался, как мальчишка. Он протянул руку мисс Прайс и помог ей спуститься, усадил её отдохнуть на обломок стены, а сам тем временем, осторожно перескакивая с камня на камень, объяснял ей расположение комнат.

— Вот здесь была гостиная, здесь — сыроварня, а здесь, — воскликнул он, спрыгивая в узкую ложбину, — был садик, где тётя выращивала душистые травы. — Эмилиус смёл щебень с плоских камней. — А вот и ступени в подвал! — Он показал, где рос яблоневый сад и где был хлев. — Это был прехорошенький аккуратный домик, — приговаривал он с гордостью. — И я — единственный наследник.

По дороге домой случилось странное происшествие. Эмилиус пропал! Вот только что он шёл за ними по шоссе — и вдруг как сквозь землю провалился. Мисс Прайс остановила автомобиль доктора Ламонда, спросила, не встречал ли он молодого человека, и описала мистера Джонса.

— Видел, — ответил доктор. — Когда я сворачивал, он шёл за вами, а затем вдруг метнулся в поле.

Они отыскиали Эмилиуса у изгороди. Колдун был бледен как полотно и дрожал как осиновый лист: он так испугался автомобиля, показавшегося ему ужасным чудовищем, что в панике забыл о приличиях. Мисс Прайс не сразу удалось успокоить беднягу, но, когда немного погодя мимо них промчался почтовый фургон, гость мужественно устоял на месте, лишь задрожал, и на лбу у него выступила испарина. На обратном пути он не проронил ни слова.

Глава 6. Кое-что о колдовстве

Непросто было Эмелиусу освоиться в XX веке, но мисс Прайс проявляла удивительное терпение. Гость приучился чистить ботинки и передавать хлеб за чаем, речь его стала более современной, он даже как-то сказал «о'кей». Правда, не успел Эмелиус привыкнуть к легковым автомобилям, как им повстречался грузовик, и все труды пошли насмарку. Самолёты привели колдуна в изумление, но, слава Богу, они летали так высоко, что не внушали ему страха. Чем больше Эмелиус узнавал о современном мире, новейших изобретениях и прогрессе науки, тем сильнее привязывался к мисс Прайс — единственному источнику стабильности в мире хаоса.

Тёплыми вечерами, отправив детей спать, Эмелиус и мисс Прайс уходили в сад собирать упавшие сливы, а заодно и поболтать о колдовстве. Их голоса долетали в комнату Кэри через окно. Они звучали то громко, то вдруг стихали, и слышно было лишь, как сливы падают в корзинку. Солнце садилось за деревья.

Как-то раз Кэри услышала, как мисс Прайс разоткровенничалась:

— Я никогда не сдираю кожу с гадюки. От этого почти все заклинания теряют силу, кроме тех, в которых болиголов смешивают с фенхелем. Но в заговоре от пляски святого Витта кожу сдирать всё же приходится. Не знаю почему, но это даёт лучшие результаты.

Как-то раз в ответ на рассуждения мистера Джонса мисс Прайс съязвила:

— Ну, если вы в самом деле хотите вернуться к гаданию по воску и булавочной школе.

Кэри очень хотелось узнать, как гадают на воске и что это за булавочная школа. Отчего это мистер Джонс, который давным-давно окончил школу, должен был снова туда возвращаться?

Однажды вечером Кэри подслушала очень странный разговор. Началось всё с того, что мисс Прайс спросила:

— А вы не пробовали заниматься интрасубстационарными перемещениями?

Колдун озадаченно промолчал, а потом неуверенно произнёс:

— Нет. По крайней мере нечасто.

— Весьма любопытное явление! Одно время я этим очень увлекалась.

Сливы падали в корзинку. Кэри вся обратилась в слух. Интересно, каково сейчас мистеру Джонсу?

Мисс Прайс рассмеялась, словно девчонка:

— Конечно, если знать заклинания, тогда всё легче лёгкого. Но подчас простейшие вещи оказываются на поверку самыми трудными, вам так не кажется?

Эмелиус откашлялся.

— Не уверен, правильно ли я вас понял, — признался он. — Может быть, я путаю это с...

Мисс Прайс расхохоталась:

— Что-что, а интрасубстационарное перемещение ни с чем не спутаешь!

Беседа явно забавляла её.

— Пожалуй, что не спутаешь, — согласился чернокнижник.

— Разве что, — пустилась в рассуждения мисс Прайс, опершись на грабли и глядя вдаль, — вы имеете в виду...

— Ну да, — поспешно подтвердил Эмелиус, — именно это я и имел в виду...

- Что именно? — с удивлением переспросила мисс Прайс.
— Ну то, с чем я это спутал.
— С чем же?

— С этим, как его... — Эмелиус заколебался, — с тем, что вы сейчас собирались назвать.

— Но интрасубстационарное перемещение не имеет с ЭТИМ ничего общего!

— Ах да, — поспешно согласился колдун, — это совсем другое, и всё же...

— С помощью интрасубстационарного перемещения можно заставить ботинки ходить сами по себе — без ног.

— Ах, ну конечно, — с облегчением поддакнул Эмелиус. — Ботинки. Вот что.

— Или заставить костюм вставать и садиться.

— Ну да, — отозвался гость, на этот раз менее уверенно.

— И, конечно, — разошлась мисс Прайс, — лучшие результаты дают опыты с бельём, сохнувшим на верёвке. — Она озорно рассмеялась. — Просто диву даёшься, сколько всего можно сотворить с обыкновенным бельём!

— Поразительно! — подхватил Эмелиус, нервно подхихикивая.

— Вот только простыни не годятся.

— Да, простыни не вполне подходят.

— Лучше выбрать что-нибудь из верхней одежды, чтобы казалось, будто внутри кто-то есть.

— Само собой разумеется, — покорно согласился колдун.

Мисс Прайс не собиралась долго возиться с мистером Джонсом и постаралась сразу растолковать ему и детям, что его визит не может длиться вечно. Но со временем, наблюдая, как Эмелиус освоился в доме и сдружился с детьми, она вдруг почувствовала, что с грустью думает о расставании.

Гость, в свою очередь, частенько с тревогой думал о Лондонском пожаре, о том, что могло случиться с его квартирой в Крипплгейте, и, будучи человеком долга, чувствовал себя обязанным заняться наследством, оставленным ему покойной тётушкой, о смерти которой он узнал, посетив кладбище.

— Я ведь всегда смогу вернуться и навестить вас, — говорил он, — стоит вам только слетать за мной.

Но мисс Прайс эта идея была не по душе.

— Всё хорошо в меру, — возражала она. — К чему это постоянное метание между столетиями? Пусть всё остаётся на своих местах, так лучше для всех. Мне кажется, вы поступите разумно, если переберётесь из Лондона в дом вашей тёти в Пеппериндж Ай. В этом случае мы могли бы приходить время от времени на развалины и воображать себе, что пришли к вам в гости. И вы как бы снова будете рядом.

Эмелиус задумался.

— Что ж, земля там неплохая, — проговорил он наконец, но как-то безрадостно.

Кэри, присутствовавшая при разговоре, попыталась утешить его:

— Мы будем часто вас навещать. Сядем на камни в гостиной, там, где прежде был камин, и как бы окажемся у вас в гостях.

Эмелиус взглянул на девочку:

— Мне бы хотелось показать вам дом таким, каким он был в моё время.

Кэри оглянулась на мисс Прайс.

— Может быть, всё же слетаем туда, только один разочек? — взмолилась она.

Мисс Прайс поджала губы:

— У вас всегда «один разочек», Кэри. Вы уже слетали «один разочек»,

и теперь нам ещё предстоит отправить мистера Джонса домой.

— А если мы пообещаем не задерживаться там ни на минутку, можно нам будет потом навес-
тить мистера Джонса в доме его тёти?

Эмелиус бросил умоляющий взгляд на мисс Прайс, затем понуро уставился на траву.

Мисс Прайс почувствовала себя неловко.

— Может быть. Мне и самой хотелось бы навестить мистера Джонса, когда он переберётся в свой чудесный маленький домик, однако...

— Однако — что? — не выдержала Кэри.

— Я за вас, детей, отвечаю. Никогда не знаешь, что может приключиться в таком путешествии.

— Ну, не такое уж это путешествие, — резонно заметила Кэри, — просто слетать навестить мистера Джонса в его тихом маленьком домике. Это же в Пеппериндж Ай, всего в двух милях отсюда.

— Знаю, Кэри, — возразила мисс Прайс. — Но, помнится, на необитаемом острове мы тоже предполагали провести тихий денёк, а вышло иначе.

— Но мы же не знали, что это окажется остров людоедов! А теперь другое дело. Речь идёт всего лишь о маленьком домике дорогой тётушки мистера Джонса в Пеппериндж Ай.

— Если бы вы выбрались хоть разок! Например, через неделю после моего возвращения, посмотрели бы, как я устроился. А уж потом мы бы перешли на духовное общение.

— Духовное? — подозрительно переспросила мисс Прайс.

— Я хотел сказать, что вы бы ходили на прогулки к тому месту, где раньше был мой дом, и мы бы думали друг о друге, — пояснил Эмелиус.

Мисс Прайс молчала. Лицо её было бесстрастно. Наконец она заговорила:

— Не люблю я все эти противоестественные перелёты.

— А как же полёты на метле? — напомнила Кэри.

— Это совсем другое. Это в порядке вещей: колдуньи всегда летают на мётлах. — Она немного помолчала. — Уж не знаю, как вам объяснить, неловко об этом говорить, но факты — упрямая вещь: не следует забывать, что мистер Джонс давно умер, и прах его покоится в земле.

Эмелиус с мрачным видом разглядывал траву под ногами. Ему нечего было возразить.

— Я вас не упрекаю, — продолжала мисс Прайс. — Все там когда-нибудь будем. Но не кажется ли вам неразумным и противоестественным лелеять привязанность к тому, кого уже давно нет на свете?

Все замолчали.

— Но мы ведь не нашли на кладбище моей могилы, — вздохнул Эмелиус.

Мисс Прайс сжала губы:

— Это ничего не доказывает. Мы не успели посмотреть в углу за изгородью.

— И незачем там искать, — не сдержавшись, выпалила Кэри.

Глава 7. Передумала

Но мисс Прайс предпочла придерживаться первоначального плана. Как только одежда Эмилиуса вернулась из химчистки, его отправили назад. Поздно ночью они высадили колдуна на Козьей улице и сразу улетели. Мисс Прайс не любила долгих прощаний и, стараясь щадить чужие чувства, нарочно держалась по-деловому сухо. Она не пожелала подняться наверх отведать вишнёвой настойки, а, пренебрегая приличиями, поспешно усадила детей на кровать, оставив Эмилиуса — мрачную фигуру в тёмном плаще — на залитой лунным светом улице.

Мисс Прайс вернулась из путешествия раздосадованная, обеспокоенная и на следующий день взялась за консервирование, словно хотела утопить воспоминания о печальном бледном лице в банках с абрикосовым компотом или в томатной пасте. Она больше не ходила с детьми на прогулки и убрала латунный шарик с глаз долой.

Счастливая атмосфера, царившая прежде в маленьком домике, улетучилась. Дети слонялись по лугам, висли на воротах, сидели, болтая ногами, на заборе, жевали длинные травинки и отчаянно ссорились. А конец каникул тем временем неумолимо приближался.

Никто не заговаривал об Эмелиусе. Но однажды за чаем мисс Прайс ни с того ни с сего сама завела разговор.

— Пожалуй, — начала она, уставясь на коричневый чайник, — нам следовало доставить мистера Джонса прямо домой.

Дети наострили уши. Кэри опустила ложку. Три пары глаз, не отрываясь, смотрели на мисс Прайс.

— Но мы так и поступили, — пробормотал наконец Чарльз.

— Я хотела сказать, — продолжала мисс Прайс, — что нам не следовало бросать его посреди улицы. Это было весьма нелюбезно с нашей стороны.

— Верно, — согласилась Кэри. — Что, если дом сгорел и ему негде переночевать?

Мисс Прайс с тревогой посмотрела на неё:

— Мы ведь заранее договорились, что не станем задерживаться.

— Да, но, помните, мы просили вас разрешить нам ещё разок слетать и навестить мистера Джонса? — напомнила Кэри.

— Я ничего не обещала, — поспешно возразила мисс Прайс. Она подлила себе чая и, помешивая ложечкой, неуверенно произнесла: — Надеюсь, с ним всё в порядке. Ведь он всегда может перебраться в Пеппериндж Ай.

— Конечно, — поддакнула Кэри.

— И всё же, — продолжила мисс Прайс, — иногда он бывает таким беспомощным. Говорят, после пожара началась смута. — Мисс Прайс машинально положила в чай лишнюю ложку сахара. — Надо бы написать ему письмо, — предложила она.

— Но это невозможно, — напомнила Кэри.

Чарльз откашлялся:

— Мы с Полом могли бы сгонять туда и всё разведать.

Кэри даже открыла рот от возмущения:

— Без меня?!

— Нет-нет, — запротестовала мисс Прайс. — Нечестно оставлять Кэри. Может быть, — она заколебалась, — нам следует всем слетать к нему.

Дети затихли, как мыши, они боялись торопить мисс Прайс. Кэри скрестила пальцы и, опустив глаза, разглядывала узор на ска-терти.

— Просто подойти к его дому, заглянуть в окно и удостове-риться, что с ним всё в порядке. Мы бы не стали его беспокоить. Мне кажется, — добавила мисс Прайс, — это был бы ДОБРЫЙ по-ступок.

Дети молчали.

— А когда убедимся, что у него всё нала-дилось, то и сами заживём спокойно.

— Верно, — робко подтвердила Кэри.

— А ты согласен, Чарльз? — спросила мисс Прайс.

— Ну конечно!

— Хотя это будет лишь мимо-лётный визит, следует подготовиться к возможным неожиданностям, — ска-зала мисс Прайс.

В девять часов утра они собра-лись в спальне мисс Прайс и при-ступили к сборам. Мисс Прайс сняла со стены отцовскую саблю и провела пальцем по лезвию. Потом они хо-рошенько примотали ножны к спин-ке кровати. Кэри и Чарльз заправили одеяла.

— Понимаете, хоть я и уверена, что мы обязаны слетать туда, но теперь, в самом конце ваших каникул, мне нелегко на это решиться: я не имею права рисковать. Пожалуй, нам следует замаскироваться.

— Зачем? — удивился Чарльз.

— Уж больно современно мы выгля-дим, — пояснила мисс Прайс. — А ведь на этот раз нам придётся путешествовать днём.

— Я знаю, что нужно сделать, — обрадовалась Кэри. — Давайте возьмём напрокат театральные костюмы; мы так делали в школе.

— Нет-нет, — запротестовала мисс Прайс, — не стану я вырядаться как посмешище. Просто накинута чёрный плащ, а вам достаточно будет застегнуть халаты до самого верха и заколоть булавками воротники.

— Но это же никакой не костюм! — расстроилась Кэри. — А в театре нам бы выдали самые настоящие исторические костюмы. У меня есть семь шиллингов шесть пенсов.

— Это будет стоить подороже, чем семь шиллингов, — заметила мисс Прайс. — А летим мы всего минут на десять. Так что и халатов достаточно. Ты, Кэри, ни в чём не знаешь меры, вечно у тебя какие-нибудь фантазии. Лучше помоги мне перевернуть матрас.

— Я думаю, — не унималась Кэри, — что мы будем выглядеть очень даже подозрительно, если отправимся разгуливать по улицам Лондона времён Карла Второго в халатах, сшитых в двадцатом веке.

— Хватит, Кэри. Я не имею ни малейшего желания разгуливать по улицам Лондона. Прекрати перечить, а то вообще останешься дома.

Глава 8. Так близко...

Эмелиус открыл глаза. И снова закрыл. «Это всё сон, — сказал он сам себе, — ужасный кошмар». Он закоченел, но от усталости и ломоты во всём теле не замечал этого. Бедняга лежал на каменном полу, страшась проснуться. Немного погодя его глаза раскрылись сами собой, и он разглядел малюсенькое зарешеченное окошечко и серое небо за ним. Колдун порывисто сел и тут же вскрикнул — каждое движение причиняло ему нестерпимую боль. Одежда его пропахла сыростью, грязные руки скользили по полу. Он стал медленно вспоминать: вчера — пруд, сегодня — костёр...

На него донесли. После Лондонского пожара люди обезумели. «Всему виной заговор католиков, — твердили они. — Это французы бросали зажигательные ядра и подожгли город». Кто-то вспомнил про Эмелиуса, таинственного обитателя сумрачной квартиры на Козьей улице. Королевские стражники обыскали его жилище и нашли доказательства колдовской деятельности. Когда

Эмелиус, вернувшись, поднимался по тёмной лестнице, двое людей подкарауливали его у дверей, а один, появившийся неведь откуда сзади, отрезал бедняге путь к отступлению.

Эмелиуса приволокли в тюрьму и принялись допрашивать. Когда выяснилось, что он не француз и не замешан ни в каких заговорах, его обвинили в пособничестве поджигателям. Не странно ли, говорили его мучители, что он покинул город как раз накануне пожара и вернулся, когда опасность миновала. И как он объяснит, почему уцелел его дом?

Его пытались утопить. Это было ужасно. Эмелиус вспомнил, как его волокли к пруду, и один чумазый босоногий мальчишка бежал за ним впереди всех, швыряя в него что попало. Негодник кричал и кривлялся, показывая белые зубы, и то и дело нагибался, подбирая в пыли камни. Эмелиус пытался увернуться, слышал, как камни свистят в воздухе, и вздрагивал от каждого попадания — то в голову, то в щёку. Самодовольная радость сорванца, его смех усиливали боль.

Затем мучители в присутствии стражника и священника связали его по рукам и ногам и бросили в тошнотворную зелёную воду, поросшую ряской... Удушающая зеленоватая тьма... Шум в ушах, словно барабанная перепонка быстро играет на скрипке... Утони он — значит, был обыкновенный человек, а не колдун, но Эмелиус всплыл — выходит, дело нечисто, и следует сжечь его на костре...

Он всплыл, кашляя и отплёвываясь: толстый плащ, стянутый верёвкой на щиколотках, удержал внутри воздух. Эмелиус увидел солнечный свет, услышал испуганное кряканье уток и снова стал медленно погружаться всё глубже и глубже... звон в ушах, темнота... она всё густела, успокаивая страх, отгоняя мысли...

И вот уже утро. Бедняга пролежал всю ночь на холодном полу там, где его бросили. Холодно... Да, ужасно холодно. Холод проник в самое сердце, но терпеть осталось недолго. Скоро от его сырых одежд пойдёт пар, он почувствует, как поднимается жар, как начинает тлеть одежда, почует запах гари, ещё немного — и весь он вспыхнет, словно факел.

Костёр... Много лет прошло с тех пор, как последняя жертва взошла на него. Теперь ведьм и колдунов вешают, а не сжигают. Что за ужасный варварский обычай — сжигать людей заживо! Но ныне, после пожара, люди просто помешались на огне... Огонь... Огонь!

— Боже! — воскликнул несчастный, закрывая глаза руками. — Костёр... костёр... Спаси меня от костра!

Эмелиус затаился, закрыв лицо руками, словно надеялся, что если будет сидеть тихо, то окажется, что он всё же утонул в пруду и мучения его кончились. «Какая нелепица! — думал он с горечью. — Обвинять меня в колдовстве! Да я в жизни не знал ни одного стоящего заклинания! Вот мисс Прайс — другое дело, она-то — настоящая колдунья, но никому не придёт в голову сжечь её. Никто не осмелится вытащить её из уютного домика и проволочь по Хай-стрит до околицы. Ведь она платит налоги, чтит английские порядки, работает в Красном Кресте, так что никому и дела нет до того, чем она занимается в свободное время. Она может наколдовать огромного чёрного кота величиной со слона, и никто ей и слова не скажет, если только кот не окажется воришкой или она не станет грубо с ним обращаться».

— О, мисс Прайс, если бы вы только знали, — простонал Эмелиус, — если бы вы знали, что меня собираются сжечь на костре!

— Я знаю, — раздался чей-то голос. — Мне рассказали об этом ваши соседи.

Заключённый медленно отвёл руки от лица, оглядел камеру — никого.

Видимо, он начал сходить с ума от страха. Но голос звучал как настоящий: такой громкий, деловой. И тут Эмелиус заметил лицо в окне и две побелевшие руки, вцепившиеся в прутья решётки. Мисс Прайс смотрела на него из-под чёрного капюшона. Поначалу он не узнал её: запавшие глаза, сжатые губы. Однако помутившееся от страха сознание всё же позволило ему вспомнить знакомый длинный розовый нос — символ негодования и праведного гнева.

— Не так-то просто сюда добраться, — пожаловалась мисс Прайс. — Приходилось всё спрашивать и спрашивать. А кругом такая грубость!

Чернокнижник молчал. Его трясло. Наконец он почувствовал, как сильно продрог.

— И никто, видите ли, не понимает нормальный благородный английский, — продолжала мисс Прайс с раздражением, слегка задышавшись. — Не представляю, как вы это выдерживаете. Всюду грязь, вонь, нечистоты... но об этом позже.

Мисс Прайс внезапно вскрикнула и исчезла, но через минуту появилась снова.

— Оступилась, — пояснила она. — Очень неудобно стоять. Но вы заперты, а кровать в камере не поместилась бы.

Эмелиус облизал губы. Он не сводил глаз с лица за окном.

— Они пытались утопить меня в пруду, — простонал он, словно обращаясь к самому себе, — в пруду...

— Не стоит об этом вспоминать, — торопливо перебила его мисс Прайс.

Она опустила глаза, и Эмелиус услышал её шёпот:

— Так подвинь свою руку, Кэри. Ты сама виновата. Я не нарочно на неё наступила. Да, с ним всё в порядке, — добавила она немного погодя. — Просто очень промок. Но камера слишком тесная, кровать в ней не поместится.

Мисс Прайс снова появилась в окне.

— Подождите минутку, — извинилась она и исчезла.

Эмелиус услышал приглушённые голоса. Он снова лёг. Благодарность разлилась по его телу, переполнила сердце и хлынула слезами из глаз. Жгучие мучительные слёзы просачивались сквозь сомкнутые веки. Мисс Прайс вернулась! Она спасёт его! Она всегда доводит дело до конца, за что бы ни взялась — всё ей удаётся.

Вот мисс Прайс снова появилась в окне.

— А теперь, — приказала она, — соберитесь с духом. Мы не позволим им сжечь вас, но здесь нам оставаться нельзя. Я ведь стою посреди бела дня на спинке кровати!

— Не уходите! — взмолился пленник.

— Я должна оставить вас ненадолго, чтобы спрятать кровать. Собирается гроза. А когда мы вылетали, дома была такая замечательная погода!

— Что мне делать? — спросил Эмелиус.

— Пока — ничего. Два стражника у входа играют в кости. Сидите и не поднимайте шума. — Мисс Прайс критически осмотрела узника. — И постарайтесь немного привести себя в порядок, вы сразу почувствуете себя лучше.

С этими словами она исчезла и больше не появилась.

Подождав немного, Эмелиус осмотрел свою одежду: туфли были залеплены грязью, а на рукаве он обнаружил водяного жука. Вздыхнув, он принялся счищать с плаща длинные пряди зелёных водорослей.

Конечно, мисс Прайс спасёт его. Но как? Не так-то это просто. В крошечное окошко не пролезть, да оно и зарешечено, а железная дверь на замке.

Глава 9. И всё же так далеко...

— Что-то мисс Прайс долго не возвращается, — беспокоилась Кэри.

Дети сидели на кровати в заброшенном хлеву. Земля была изрыта копытами, в углу чернела куча гнилой соломы. Через сломанную дверь им было видно продуваемое всеми ветрами поле и низкое мрачное небо. Унылое место, но, как заметила мисс Прайс, надёжное. Здесь они и спрятали кровать. Завернувшись в тёмный плащ и прихватив метлу и саблю, мисс Прайс ушла вызволять мистера Джонса.

— Её нет уже больше часа, — пробормотал Чарльз, подходя к двери.

Тяжёлое небо рассекла узкая светлая полоса, из которой на деревья и изгороди струился неестественный мертвенно-бледный свет. Вдруг яркая вспышка озарила небо. Чарльз отшатнулся. Крыша задрожала от раскатов грома.

— Ну и перетрусил же я! — признался Чарльз.

— Может, пойти поискать её? — предложила Кэри.

— А с кроватью что делать? Кто-то должен остаться её сторожить.

— Никто сюда не придёт! — возразила Кэри. — Все ушли смотреть казнь. Мне кажется, надо либо всем идти, либо никому. Нельзя разлучаться.

Чарльз задумчиво посмотрел через поле на ворота, выходившие на дорогу.

— Тогда пошли все вместе, — решил он.

На пороге Кэри оглянулась на кровать, такую яркую и блестящую среди пыли и грязной соломы. «Суждено ли нам увидеть её снова? — подумала она. — Чем-то закончится это приключение?»

С любопытством поглядывая по сторонам, дети брели по улицам мимо опустевших садов и домов, которые в сумеречном свете теряли свои чёткие очертания. Местность мало отличалась от той Англии, которая была им знакома. Старые дома соседствовали с новыми. Гостиничная вывеска скрипнула от сильного порыва ветра, внутри никого не было: и хозяева, и постояльцы ушли поглазеть на казнь.

— Смитфилд, — пробормотал Чарльз. — Там теперь мясной рынок. Надо же — часть Лондона, а выглядит как деревня.

Запряжённые в повозки лошади стояли, привязанные к столбам. По улицам бродили полчища оголодавших котов и лохматых грязных псов, но людей видно не было. В канавах валялись обглоданные кости, тряпье, сломанные крышки от сковородок, всюду воняло дублёной кожей. Постепенно дети стали различать отдалённый гул толпы.

— Смотрите-ка, — прошептала Кэри.

Богато одетый господин выводил лошадь из стойла. На нём были высоченные кожаные сапоги, доходившие до бёдер, и расклешённый книзу камзол. Руки утопали в кружевных манжетах, а на голове красовался огромный тёмный парик. Поравнявшись с незнакомцем, дети почувствовали сильный запах духов — непривычный пряный аромат, странным образом смешивавшийся с вонью дубильни. Садясь на лошадь, господин бросил на детей изумлённый взгляд. На его бледном лице выразилось недовольство. Кэри поспешно закрыла рукой булавку на воротнике, но человека не интересовала их одежда. Его волновало нечто более важное.

— Хорошее занятие для детей, — проворчал он неодобрительно, проходя мимо, — глазеть, как сжигают какого-то несчастного!

Кэри с испугом взглянула на разодетого незнакомца. Цокот копыт затих в отдалении, но дети ещё долго не решались заговорить. Им было стыдно, словно они и впрямь были виноваты в том, что Эмилиуса собирались сжечь заживо.

Неожиданно дорога вывела их на лужайку или площадь, и они очутились в толпе. Происходящее напомнило Кэри виденную где-то картину или исторический фильм, только в действительности всё оказалось красочнее, чем на картине, и грязнее, чем в фильме. Мальчишки облепили ветки деревьев и заборы, из каждого окна таращились люди. Гомон толпы перекрывал чей-то голос, монотонно повторявший непонятную фразу. Кэри так и подпрыгнула, когда за её спиной раздался женский крик:

— Кому апельсины-лимончики? Чудо что за лимончики!

Ближе дети подобраться не могли. Дородная тётка с тремя детьми оттеснила их к забору. Толстуха в шляпе поверх белого платка, обрамлявшего румяное лицо, разламывала детям пирог. От аромата корицы у Кэри засосало под ложечкой.

Она взобралась на нижнюю перекладину изгороди и, протиснув голову между коленями мальчишек, что сидели на верхней жерди, наконец увидела костёр. Два солдата с мушкетами через плечо возились с верёвками. Когда они отошли, Кэри заметила Эмилиуса — безвольная согбенная фигура. Верёвки стянули ему грудь. Девочка не могла разглядеть ни его ноги, ни пленницу. Но где же мисс Прайс?

Чарльзу удалось примоститься рядом с сестрой. Кэри слышала, как он вскрикнул, увидев Эмилиуса, но тут Пол стал дёргать Кэри за полу халата.

— Я хочу засахаренное яблоко, — потребовал он.

Кэри пришлось слезть с изгороди. Пол был слишком мал, ему не стоило смотреть на то, как будут казнить мистера Джонса, ему даже рассказывать об этом нельзя.

— У нас ведь нет денег, Пол, — попробовала Кэри урезонить братишку.

Она огляделась и сразу заметила лоточницу, торговавшую засахаренными яблоками. Толстуха с тремя детьми протянула Полу кусок пирога с корицей и с любопытством поглядела на детей. «Неужели обратила внимание на нашу одежду?» — испугалась Кэри.

Вдруг люди зашикали. У костра раздался чей-то громкий голос, но детям ничего не было видно, и они не разобрали ни слова.

— Похоже, скоро начнут, — предположил Чарльз, висевший на изгороди.

Кэри увидела слабую струйку дыма. Она снова взобралась на изгородь рядом с Чарльзом, чтобы рассмотреть, что происходит. Факельщик с нетерпением ждал приказа. Теперь говорил кто-то другой. Кэри разглядела долговязую чёрную фигуру: может — судья, а может — священник.

Несчастный у столба не поднимал головы.

— Мисс Прайс... Мисс Прайс! — шептала Кэри, вцепившись в изгородь. — Спасите его! Пожалуйста, спасите бедного мистера Джонса!

Голос умолк. Толпа застыла в зловещем молчании, кто-то ещё пытался вскарабкаться на забор. Глаза всех были прикованы к костру. Забили барабаны. Человек с факелом крутанул им в воздухе, а затем поднёс к поленнице.

Кэри закричала и соскочила с изгороди. Барабанная дробь всё нарастала. Клубы дыма взметнулись к небу. Мерцающая вспышка — и на одну секунду вся сцена озарилась светом молнии, зигзагом прочертившей небо. Грохот барабанов захлебнулся в оглушительных раскатах грома, от которых, казалось, земля зашаталась под ногами.

Кэри услышала крики и вопли и снова вскочила на изгородь — посмотреть, что произошло. Неведомая сила, напугав людей, пригнула толпу к земле, будто колосья в поле. Крики женщин становились всё громче. Люди в панике расталкивали друг друга. Кэри прижалась к изгороди и привлекла к себе плачущего братишку.

— Смотри, Чарльз! — срывающимся от восторга голосом крикнула она. — Смотри же!

Чья-то тень, как огромная чёрная птица, скользнула низко над головами собравшихся зевак. Сужая круги, она, словно гребень волосы, рассекала испуганную толпу.

— Да это же она! Это мисс Прайс! — закричала Кэри. — Пол, это же мисс Прайс! Чарльз...

Люди, толкаясь, мчались прочь от неведомой птицы. Вот она на бреющем полёте устремилась в их сторону, спускаясь всё ниже. Толстуха завопила и бросилась прочь, таща за собой детей. Детвора кубарем слетела с изгороди.

— Ведьма! Ведьма! — орали перепуганные зеваки. — Ведьма на помеле!

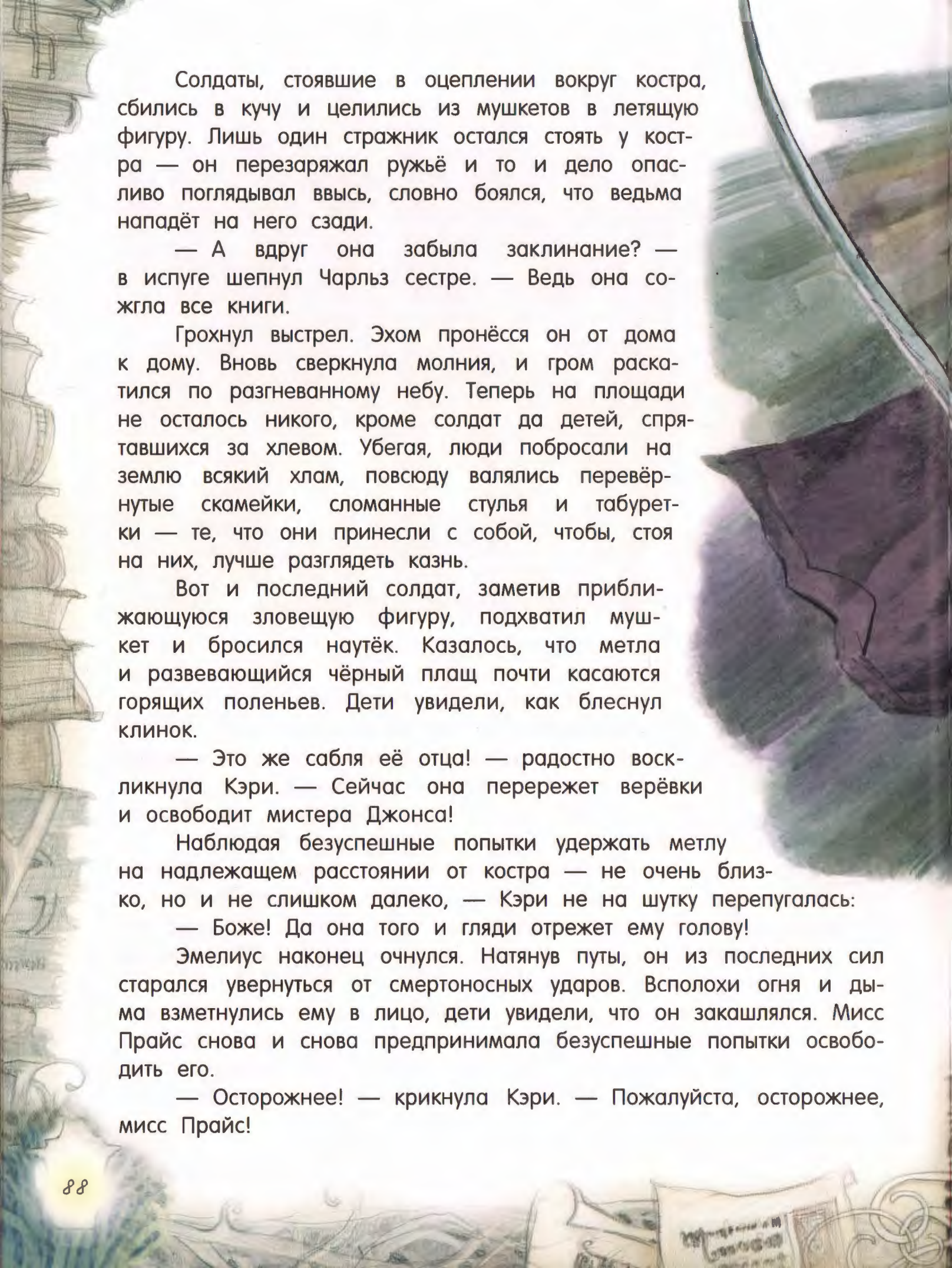
Лишь Кэри и Чарльз, державшие за руки Пола, устояли на месте. Они вглядывались ввысь, неотрывно следя за тёмной летящей фигурой, приближавшейся к ним во мраке. Закутанная в плащ, так что её невозможно было узнать, мисс Прайс пронеслась над детьми. Чёрный шлейф, тонкий и пугающий, тянулся за ней по ветру.

Люди убегали боковыми улочками и переулками. Лужайка и пыльная дорога опустели. Торговец корзинами бросился было собирать свой товар, разлетевшийся во все стороны, но, едва за-видел над собой зловещий чёрный силуэт, в страхе всё побросал и пустился наутёк к трактиру.

Теперь дети без труда могли рассмотреть место казни. Дым рассеялся, красные языки пламени ползли вверх по брёвнам. Эмелиус, связанный по рукам и ногам, подался вперёд, натянув верёвки.

— Огонь подбирается к нему! — закричала в ужасе Кэри. — О, мисс Прайс, поторопитесь, Бога ради!

Солдаты, стоявшие в оцеплении вокруг костра, сбились в кучу и целились из мушкетов в летящую фигуру. Лишь один стражник остался стоять у костра — он перезаряжал ружьё и то и дело опасно поглядывал ввысь, словно боялся, что ведьма нападёт на него сзади.

— А вдруг она забыла заклинание? — в испуге шепнул Чарльз сестре. — Ведь она сожгла все книги.

Грохнул выстрел. Эхом пронёсся он от дома к дому. Вновь сверкнула молния, и гром раскатился по разгневанному небу. Теперь на площади не осталось никого, кроме солдат да детей, спрятавшихся за хлебом. Убегая, люди побросали на землю всякий хлам, повсюду валялись перевёрнутые скамейки, сломанные стулья и табуретки — те, что они принесли с собой, чтобы, стоя на них, лучше разглядеть казнь.

Вот и последний солдат, заметив приближающуюся зловещую фигуру, подхватил мушкет и бросился наутёк. Казалось, что метла и развевающийся чёрный плащ почти касаются горящих поленьев. Дети увидели, как блеснул клинок.

— Это же сабля её отца! — радостно воскликнула Кэри. — Сейчас она перережет верёвки и освободит мистера Джонса!

Наблюдая безуспешные попытки удержать метлу на надлежащем расстоянии от костра — не очень близко, но и не слишком далеко, — Кэри не на шутку перепугалась:

— Боже! Да она того и гляди отрежет ему голову!

Эмелиус наконец очнулся. Натянув путы, он из последних сил старался увернуться от смертоносных ударов. Всполохи огня и дыма взметнулись ему в лицо, дети увидели, что он закашлялся. Мисс Прайс снова и снова предпринимала безуспешные попытки освободить его.

— Осторожнее! — крикнула Кэри. — Пожалуйста, осторожнее, мисс Прайс!

Вновь грохнул выстрел, а следом ещё два. Солдаты палили в воздух. Кэри со страхом глядела на воронкообразные дула мушкетов и недоумевала, как можно было промахнуться из такого ружья.

— Похоже, они попали в неё! — всполошился Чарльз.

— Нет, — возразила Кэри, — не может быть!

Она взглянула на костёр и тут же закрыла рот рукой, чтобы сдержать крик.

Метла замерла в небе над костром. Меч выпал и остриём вверх застрял среди поленьев. Вот метла покачнулась и начала медленно падать прямо в огонь, но в последний миг она как бы собралась с силами, приподнялась и неуверенно устремила к дороге, прочь с площади. Солдаты медленно развернулись, держа на прицеле летящий объект. В дверях домов показались люди. Несколько человек, похрабрее, выскочили на улицу. Взоры всех были прикованы к чёрному растрёпанному предмету, в страшном прыгающем полёте то слегка взмывавшему вверх, то снова спускавшемуся к земле.

Дети не сводили глаз с метлы, они, казалось, забыли про костёр, меж тем огонь с каждой минутой приближался к пленнику. Но их в этот миг волновала лишь безопасность мисс Прайс. Они в ужасе прижались друг к дружке и неотрывно следили за метлой. Вот она немного приподнялась, неуверенно раскачиваясь из стороны в сторону, словно потеряв ориентацию, и полетела по улице на уровне второго этажа.

Кто-то швырнул вдогонку камень. Солдат пальнул из ружья. Метла застыла в воздухе. Дети увидели, как за какую-то долю секунды полы чёрного плаща обвисли, а потом мрачное одеяние камнем упало в дорожную пыль. Больше они ничего не смогли рассмотреть. Отовсюду — из дверей, из садов, из переулков — к месту падения устремились люди. Кое-кто вооружился палками и дубинками. Дети заметили мужчину, должно быть, мясника, с огромным блестящим топором. Горожане мчались к тому месту, где упала метла. Тесную улочку запрудила всё прибывавшая толпа, в основном мужчины и мальчишки. Все и думать забыли о костре. Никто не обращал внимания на дождь, который полил совсем неожиданно. Капли воды, стекая по щекам Кэри, смешивались со слезами и превращали пыль на лице в липкую грязь.

— Мисс Прайс... Мисс Прайс... — всхлипывала Кэри, не замечая, как дождевая вода, стекая по волосам, льётся ей за шиворот.

Она не заметила, как ушёл Чарльз, но вдруг увидела брата: он карабкался на костёр по дымящимся брёвнам. Вот он вытащил саблю и перерезал верёвки, связывавшие пленника. Эмилиус упал на брёвна, и они, рассыпавшись, покатались вниз, увлекая его за собой. Следом, не выпуская саблю из рук, спустился Чарльз. Эмилиус нерешительно поднялся с земли. Обгоревший плащ болтался клочьями, открывая ноги в жёлтых чулках. Кэри увидела, как Чарльз

подталкивает чернокнижника, тянет за руку, понуждая идти. Наконец они добрались до места, где их ждали Кэри и Пол. Чарльз стащил с Эмилиуса плащ, и он остался в рубашке, штанах и жёлтых чулках.

— Мисс Прайс... Мисс Прайс... — причитала Кэри.

— Так они вас не сразу узнают, — объяснил Чарльз мистеру Джонсу. — Одежда под плащом почти не обгорела. Бежим, Кэри! — И он устремился прочь, бледный, но решительный. — И не нойте, мы должны добраться до кровати!

— Но как же мисс Прайс? — отчаянно запротестовала Кэри. — Мы не можем бросить её на произвол судьбы!

— Другого выхода у нас нет, — возразил Чарльз. — Сейчас мы ей ничем помочь не сможем. Она учила нас действовать разумно.

Пол заревел в голос. Увещевания на него не действовали. Раз мисс Прайс погибла, ему незачем больше храбриться. Плач Пола привёл Кэри в чувство, она взяла братишку за руку.

— Успокойся, — сказала Кэри, всхлипывая, — плакать будешь дома.

Они не могли идти быстро, потому что Чарльз обжёг ступни. Может, это было и к лучшему, побеги они — на них бы наверняка обратили внимание. Эмилиус брёл как во сне. Он не проронил ни слова и смотрел так, будто всё ещё видел перед

собой чёрную фигуру, летящую на метле. Когда они добрались до калитки, которая вела в поля, всех охватил страх — что, если кровать пропала...

Кэри и Пол немного отстали, Чарльз первым вошёл в хлев. Кэри услышала, как он вскрикнул, и нарочно остановилась, поджидая снаружи под проливным дождём. Она чувствовала, что не выдержит новой беды.

— Кэри, — позвал Чарльз. — Кэри! Иди же сюда!

Девочка подошла к двери хлева. Сначала она ничего не разобрала в темноте. Затем разглядела очертания кровати. На кровати кто-то лежал — человек приподнялся на локтях, разгневанные глаза смотрели на Кэри с упрёком.

— О, мисс Прайс! — обрадовалась Кэри. Она вцепилась в косяк, чтобы не упасть.

— Могла бы хоть притвориться, что раскаиваешься, — упрекнула мисс Прайс. Даже в темноте можно было разглядеть, что у неё нос покраснел от гнева. — Вы — самые беспечные дети на свете, на вас ни в чём нельзя положиться. Я чуть с ума не сошла

от страха. Я возвращаюсь, абсолютно вымотанная колдовством, мечтаю только о том, чтобы полежать хоть пять минут, и что я вижу?

— О! — воскликнула Кэри.

Она бросилась к кровати и разрыдалась на плече у мисс Прайс. Казалось, сердце у неё вот-вот не выдержит и разорвётся.

— Ну-ну, — смутилась мисс Прайс и похлопала девочку по худенькому плечу. — Успокойся, не надо так волноваться. Все мы перенервничали, но теперь всё позади.

— Вы живы! — всхлипывала Кэри. — Голубушка, мисс Прайс, значит, они не убили вас?

Мисс Прайс в изумлении отшатнулась от девочки.

— Убили меня? — переспросила она и посмотрела на детей так, словно не могла поверить собственным ушам. — Боже милостивый, неужели вы подумали, что это я сама кривлялась там на метле?

— А что же тогда это было? — в растерянности спросила Кэри, вытирая глаза. — Что?

Мисс Прайс внимательно поглядела на неё, потом бросила торжествующий взгляд на мистера Джонса.

— Это, — начала она, слегка покрасневшись, — наглядный пример интрасубстационарного перемещения.

Но Эмилиус, бессильно растянувшийся на соломе, даже не поднял головы.

Глава 10. И ещё дальше...

Эмелиуса уложили в комнате Чарльза. Чернокнижник не вставал несколько дней и, по словам мисс Прайс, с трудом управлялся от потрясения. Ступни Чарльза обгорели несильно, и с помощью какой-то желтоватой мази мисс Прайс быстро поставила его на ноги. До конца каникул оставалась всего одна неделя. Мисс Прайс сделалась вдруг добрее и мягче, чем прежде. День-деньской она хлопотала: паковала вещи детей, носила еду в комнату Эмелиуса. Она стала такой заботливой, такой непривычно терпеливой, что они даже немного испугались. А что, если состояние мистера Джонса серьезнее, чем казалось поначалу?

Несколько раз Кэри сталкивалась в доме с незнакомыми людьми. Однажды к мисс Прайс пришли два незнакомца; хозяйка провела их в столовую, где они долго беседовали о чём-то за плотно закрытой дверью. В доме поселилась тайна. Дети заметили, что мисс Прайс чаще обычного писала письма и то и дело бегала

на деревенскую почту звонить по телефону. В то же время она всё делала без суеты и день ото дня становилась всё добрее. Это казалось детям подозрительным. Наконец в самый последний день каникул мисс Прайс торжественно пригласила их в комнату, где после возвращения Эмилиуса спал Чарльз.

Дети чинно расположились на кровати, а мисс Прайс села на высокий стул напротив. Она откашлялась и сжала руки на коленях.

— То, что я собираюсь вам сказать, не новость для вас, — начала она. — Вы, конечно, заметили некую суету в доме в последнюю неделю и догадались, наверное, что за этим что-то кроется.

Мисс Прайс облизала губы и ещё сильнее сжала руки. Дети неотрывно следили за каждым её движением, пытаясь угадать, что последует дальше.

— У меня нет дорогих вещей, — продолжила мисс Прайс, — но мой дом в прекрасном состоянии. Возьмём, к примеру, мойку на кухне, я приобрела её лишь в прошлом году, и стоило это мне вместе с установкой около пятидесяти фунтов. Конечно, я не брошу оборудование для ванной. Мысль о том, что я смогу забрать его с собой, укрепила меня в моём решении. Я питаю слабость — у кого их нет? — к современной сантехнике. Я ничего не имею против простого образа жизни, раз уж так складываются обстоятельства, но купание в лохани — слишком сложная процедура, — мисс Прайс запнулась. — Доходы от продажи дома я завещаю Красному Кресту.

Кэри подалась вперёд. С минуту она колебалась, а затем выпалила:

— Доходы от какой продажи?

— Я же объяснила, Кэри, доходы от продажи дома.

— Так вы собираетесь продать дом?

— Кэри, старайся внимательнее слушать, что тебе говорят. Да, я продаю дом и всю обстановку, кроме оборудования для ванной.

— И все деньги перечислите в Красный Крест?

— До единого пенни.

— Но почему? — удивилась девочка.

— Чтобы выплатить этому веку компенсацию за утрату одной работоспособной женщины.

Кэри улыбнулась, привстала было, но снова села на место.

— Понятно, — произнесла она медленно. — О, мисс Прайс!

— А мне ничего не понятно, — пожаловался Чарльз.

— Чарльз, — Кэри повернулась к брату и принялась объяснять: — Это одновременно и плохая новость, и хорошая. Мисс Прайс хотела сказать... — Девочка бросила робкий взгляд на мисс Прайс. — Мне кажется, что мисс Прайс имела в виду...

Мисс Прайс сидела с отрешённым видом. Она откашлялась:

— Возможно, я плохо объяснила: мистер Джонс предложил мне разделить его судьбу. — Чарльз победно ухмыльнулся. — И я приняла его предложение.

Чарльз застыл в изумлении. Он был сбит с толку.

— Неужели вы собираетесь переселиться в семнадцатый век?

— У нас нет другого выхода. Мистер Джонс не может остаться здесь, а там у нас будет дом и своё хозяйство, сад, у мистера Джонса есть кое-какие сбережения.

— Но как вы туда доберётесь? — не унимался Чарльз. — Вы что, и Пола с собой возьмёте?

— Я всё обдумала. Мистер Бисселтуайт заедет за вами завтра поутру и отвезёт на станцию. А сегодня вечером после ужина Пол встанет у изголовья кровати и повернёт шарик.

— Так значит, вы отправляетесь прямо сегодня? — изумился Чарльз.

— Ничего другого не остаётся. Я терпеть не могу спешки, но без Пола мы будем лишены средства передвижения.

Кэри прилегла на бок, опершись на локоть. Она сняла соринку с одеяла и вертела её между пальцев.

— Мисс Прайс, — проговорила девочка.

— Что?

— А приживётесь ли вы? — Кэри не поднимала глаз от одеяла. — Понравится ли вам там?

Мисс Прайс всплеснула руками и оперлась о подлокотники. Как ни странно, она ответила не сразу.

— Мистер Джонс и я, — произнесла она медленно, глядя в стену, — два одиноких человека. Вместе нам будет легче.

— Но ведь кровать не сможет вернуть вас назад! — взволнованно сказал Чарльз.

Мисс Прайс смотрела на стену и молчала.

И снова на полу, там, где стояла кровать, остался лишь тонкий слой пыли да два пёрышка. На этот раз комната казалась по-особому опустевшей: ковры свёрнуты в рулоны, ящики туалетного столика немного выдвинуты, обрывок папиросной бумаги забился под ножку умывальника.

Она улетела. Там, где всего минуту назад кипела работа, паковались и укладывались вещи, где они торопливо прощались, в спешке обнимая друг друга напоследок, теперь царили пустота и тишина.

Кровать была сильно перегружена: оборудование для ванной, с грехом пополам отвинченное Чарльзом и Эмилиусом и завернутое в отглаженные простыни и покрывала, сразу заняло полкровати. А ведь ещё надо было уложить две корзины с одеждой, два чемодана и кучу других вещей, с которыми, как выяснилось в последнюю

минуту, мисс Прайс не в силах была расстаться: серебряный молочник, запасная грелка, венчик для взбивания яиц, банка для печенья, перевязанная верёвочкой (в неё мисс Прайс сложила запас чая), несколько бисквитов, шесть банок сардин, ложки, парадная скатерть, отцовская сабля, фотографии, флакон лавандовой воды. Они всё связывали и перевязывали, но всё равно вид нагруженной кровати вызывал опасения, да ещё мисс Прайс и Эмилиус сели сверху!

Кэри отметила, что, несмотря ни на что, мисс Прайс не забыла надеть свою лучшую соломенную шляпку, которую специально перед тем отдавала подреставрировать местной шляпнице.

— Лучше я надену её, так она займёт меньше места, — решила она.

Прощаясь, мисс Прайс немного всплакнула, но не забыла напомнить детям, что соседка, мисс Китхаттен, зайдёт приготовить им завтрак, что билеты лежат на каминной полке в столовой, что мистер Бисселтуайт заедет за ними ровно в девять тридцать. Она попросила их напомнить мисс Китхаттен, что жилищный агент обещал прийти после часа дня для инвентаризации. Да, и пусть они не забудут прокипятить молоко.

Потом Пол, стоя возле кровати, загадал желание, и комната внезапно опустела, только обрывок папиросной бумаги шелестел на полу да покачивались занавески, будто их растревожило ветром.

Дети вдруг почувствовали себя бесконечно одинокими. Они спустились вниз. Пустота словно кралась за ними по пятам. Через кухню прошли в буфетную. Сушилка ещё не высохла после мытья посуды:

мисс Прайс сама убрала со стола после ужина. Дверь в сад была распахнута, они вышли на воздух. У мусорного контейнера лежала старая обувь мисс Прайс. Одна пара была вся в земле — в этих ботинках она копалась в саду в дождливую погоду.

Солнце почти скрылось за лесом, но склон холма ещё был залит золотым сиянием заката.

— Наверное, они уже добрались, — нарушила молчание Кэри.

Она посмотрела в сторону тёмного леса на такой знакомый и привычный холм Лудильщика.

— Знаете что? — вдруг встрепенулась она. — Давайте сбегать туда! Успеем обернуться до темноты.

— Всё равно мы их не увидим, — заупрямился Чарльз.

— Неважно. Мисс Прайс и так догадается.

Было здорово бежать, задыхаясь, по песчаной тропинке сквозь заросли папоротника. Мчаться наперегонки с ветром, чувствовать тепло закатных лучей у себя на плечах и видеть, как длинные тени бегут за тобой по пятам по траве.

Когда дети добрались до развалин дома, Кэри взобралась на самую верхушку стены и села там, уперев подбородок в руки. Ветер развеивал волосы девочки, её длинная неподвижная тень протянулась по кустам до подножия холма. Чарльз и Пол бродили меж камней, время от времени рассеянно срывая ягоды, но краем глаза наблюдали за сестрой.

Немного погодя Кэри спустилась вниз. Молча, с отсутствующим выражением лица прошла она мимо братьев, мечтательно глядя вдаль.

— Я вижу их, — сказала Кэри.

Она остановилась в зарослях ежевики, где некогда рос яблоневый сад.

— Идём домой, — позвал Чарльз.

Он понимал, что сестра притворяется, но ему всё равно стало не по себе.

— Я прекрасно их вижу, — продолжала Кэри, не слушая брата. Она приложила палец к губам, словно призывая братьев помолчать, приподняла лицо, как женщина на картине «Провидица», что висела у них дома. — Они не спеша спускаются по тропинке, держась за руки. — Девочка помедлила. — Вот остановились под яблоней. Мисс Прайс так и не успела снять шляпу. А вот они обернулись и смотрят на дом.

— Ну, Кэри, пойдём, — поёжился Чарльз. — Уже темнеет.

— А теперь, — Кэри намеренно понизила голос, — мистер Джонс поцеловал мисс Прайс в щёку. Он говорит... — Кэри замялась, словно подбирая слова. — Он говорит, — продолжила она торжественно: — «Моя единственная любовь...»

Вдруг Чарльз и Пол заметили, что сестра переменялась в лице. Глаза девочки расширились, рот приоткрылся. Кэри торопливо оглянулась по сторонам и пулей выскочила из зарослей ежевики. Взобравшись на холм, она с вершины оглянулась на то место, где стояла минуту назад.

— Что стряслось? — крикнул Чарльз.

Кэри побледнела, но на лице её заиграла слабая улыбка.

— Разве вы не слышите? — спросила она.

— Нет, — разозлился Чарльз. — Ничего я не слышу.

— Неужели ты не слышишь, что говорит мисс Прайс?

— Мисс Прайс?

— Ну да, это же её голос, громкий и чёткий.

Чарльз и Пол молча переглянулись.

— И что же она говорит? — неуверенно спросил Чарльз.

— Она говорит: «Кэри, сойди сейчас же с салатной грядки!»

Оглавление

Волшебство
по-английски 2

Чудесная
встреча 5

Глава 1. Потерян...
и найден... 6

Глава 2. И снова
потерян 12

Глава 3. Долг платежом
красен 24

Глава 4. Прошлое 32

Глава 5. Гость 46

Глава 6. Кое-что
о колдовстве 66

Глава 7. Передумала 72

Глава 8. Так
близко... 76

Глава 9. И всё же
так далеко... 82

Глава 10. И ещё
далее... 94

Литературно-художественное издание

Для детей 7–11 лет

ПАЛИТРА ЧУДЕС

Нортон Мэри

Метла и Костёр

Сказка

Перевод с английского Ольги Мязотс

Художник Вадим Челак

Дизайн серийного оформления *Евгении Кузнецовой*

Иллюстрации для серийного оформления *Дмитрия Непомнящего, Ольги Попугаевой*

Вступительная статья *Галины Яшиной*

Редактор-составитель *Наталья Шутюк*

Редактор *Галина Захарова*

Дизайн и верстка *Евгении Кузнецовой*

Технический директор *Лариса Шабалева*

Корректор *Ирина Фоменко*

Подписано в печать 14.08.2014. Формат 60 × 90%. Бумага мелованная. Гарнитура Futura.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Тираж 10 000 экз.

ООО «Издательство Лабиринт Пресс»
115419, Москва, 2-й Рощинский пр., д. 8, стр. 4

Тел.: (495) 723-7295, 231-4679, 780-0098

E-mail: redactor@labirint-press.ru

<http://www.labirint-press.ru>

www.labirint.ru

ISBN 978-5-9287-2575-4

Отпечатано в Китае

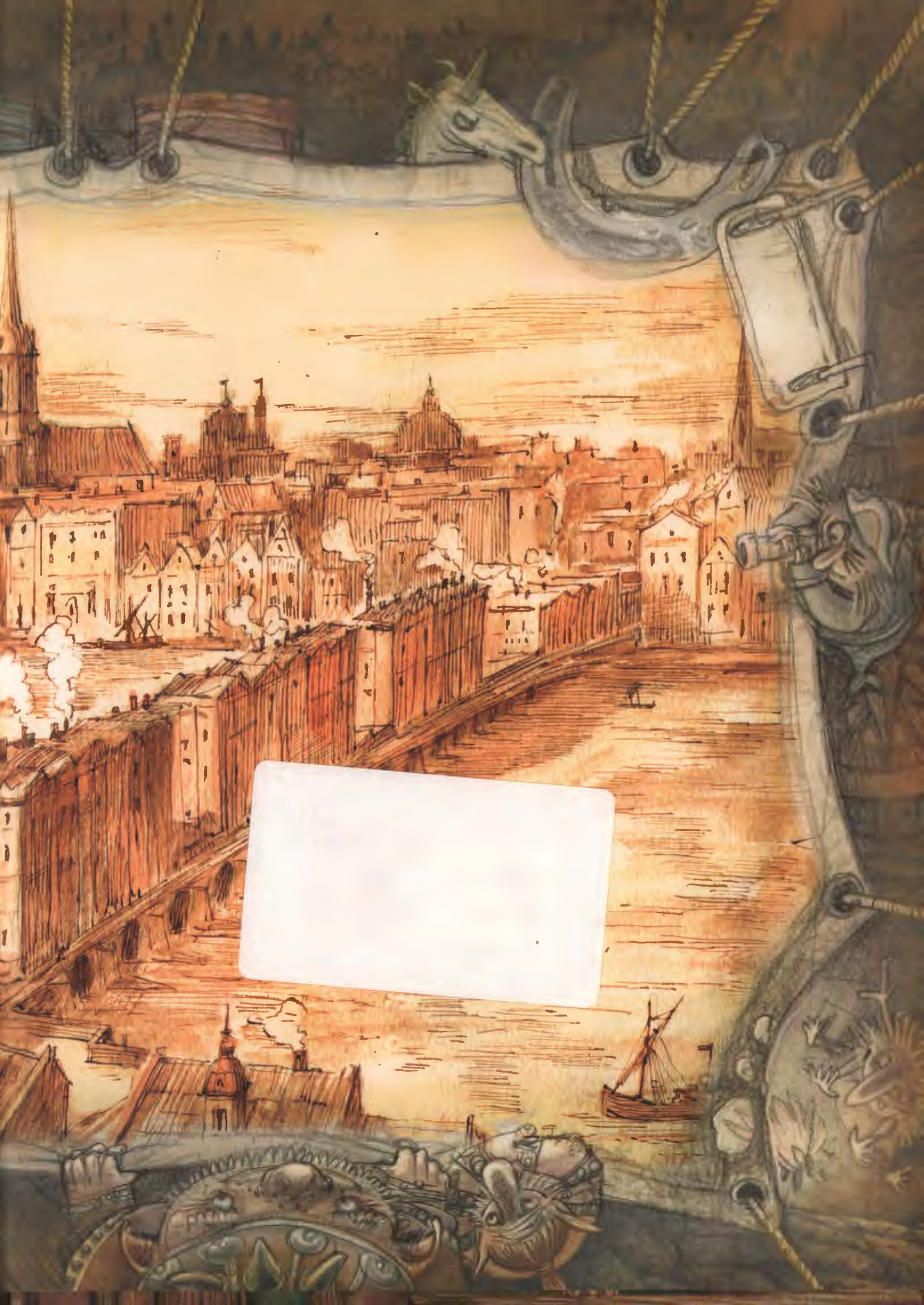

LONDON.

ISBN 978-5-9287-2575-4

9 785928 725754

Книжный интернет-магазин
Лабиринт.ру
LABIRINT.RU